И. МЕЩАНИНОВ

ВВЕДЕНИЕ В ЯФЕТИДОЛОГИЮ

Р А Н И О Н
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУР И ЯЗЫКОВ
З А П А Д А И В О С Т О К А

В О П Р О С Ы МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

СБОРНИКИ И МОНОГРАФИИ

П Р И Б О Й

И. МЕЩАНИНОВ

ВВЕДЕНИЕ В ЯФЕТИДОЛОГИЮ

ЛЕНИНГРАД
1929

Напечатано по постановлению Коллегии Научно - исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока

Ленинград 1928.

Ученый секретарь *Н. Яковлев.*

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

547
29

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ
ДВОР
Ленинград

Ленинградский Областлит № 24839.
6 1/2 л. Тираж 2000 (С, 30. 12512/пр.)

Посвящается академику

НИКОЛАЮ ЯКОВЛЕВИЧУ МАРРУ

к исполнившемуся сорокалетию его ученой деятельности

Мысль о составлении популярного общего очерка развития яфетидологии принадлежит Ф. А. Розенбергу, неоднократно указывавшему на необходимость и своевременность такового для ознакомления лиц, интересующихся достижениями яфетидологии в ее текущих изысканиях и теми путями, которые привели ее к ныне высказывающимся положениям.

Предполагалось настоящий очерк издать на немецком языке, учитывая пробуждающийся интерес к яфетидологическим исследованиям и среди западных ученых. За последние годы такой интерес ярко выразился в Вене, где возглавляемая P. W. Schmidt школа открыто примкнула к яфетидологии, считаясь с ее утверждениями и выводами в своих научных работах, объединенных в хорошо известном научном органе Anthropos. Венский же ученый проф. R. Bleichsteiner не только строит свои научные изыскания с применением яфетидологического метода, но и выражает готовность принять личное участие в ознакомлении бо-

лее широких кругов иностранного ученого мира с основными достижениями яфетического учения, необходимость чего и им признается всецело. [1]

За отсутствием популярной сводки положений яфетидологии у нас, настоящая работа предлагается к изданию на русском языке.

Сотрудники Яфетического института Академии Наук приняли горячее участие в обсуждении как плана работы, так и самого текста, заслушанного в целом ряде заседаний по мере обработки отдельных глав. Одна из наиболее существенных частей, посвященная историческому обзору и написанная еще в плане предполагавшегося немецкого издания, составлена по совместному обсуждению с членом совета института Ф. А. Розенбергом. Остальные главы составлялись уже по изменившемуся заданию. В проработке их приняли деятельное участие также яфетидологи С. Л. Быховская, Л. Г. Башинджагян, постоянные участники специально для этой цели собиравшихся заседаний в составе ассириолога А. П Рифтина, египтолога И. Г. Лившица, арменисты Р. М. Шаумяна и археологов Т. С. Пассек, Б. А. Латынина.

---

[1] См. „Beiträge zur Kenntnis der elamischen Sprache" Anthropos, XXIII, 170.

Исполнившееся в текущем году сорокалетие ученой деятельности основателя яфетической теории акад. Н. Я. Марра позволяет нам просить нашего дорогого руководителя и учителя связать нашу работу с наступившим юбилейным годом его неослабеваемо продолжающейся творческой ученой деятельности.

Июль 1928 г.

ТЕЗИСЫ.

А. По общим положениям яфетидологии.

1. Яфетическая теория построена на исследовании основных вопросов науки о человеке в обстановке его общественной деятельности. Изучение человека как общественного творца проводится яфетидологиею в первую очередь на основе лингвистического материала, наиболее полно отражающего различные эпохи пройденной человечеством жизни.

2. Поскольку язык является лишь одним из проявлений общечеловеческой культурной деятельности, яфетическое языкознание ставится в тесную связь с изучением истории материальной культуры, истории общественных форм, истории развития человеческого мышления.

3. В связи с состоянием общества в непрерывном изменении систем отношения между членами человеческих объединений, яфетидология изучает процесс развития человеческой деятельности.

4. Ставя в основу своего исследования процесс развития различных проявлений в области материальной и духовной культур, яфетидология затрагивает и генетические проблемы.

5. В области общего учения о языке яфетидология останавливается на вопросе о происхождении языка, о взаимоотношениях различных систем языков (по обычной терминологии „семей“) в их статическом состоянии, о преемственной связи языковых систем между собою и об эволюции внутри их и между ними, как формальной типологической, так и идеологической.

6. Специальный интерес яфетидологических изысканий уделяется обособившимся по своему оформлению яфетическим языкам, то-есть языкам яфетических систем (по обычной терминологии „яфетической семьи“).

7. Учение о яфетических языках (языках яфетических систем) имеет объектом своего исследования яфетическую стадию общечеловеческой речи, наличную в доисторическом населении всех материков и изучаемую по сохранившимся в исторических языках пережиткам от предшествовавшей их формированию яфетической стадии и по сохранившимся по сей день представителям ее на Памире (вершики), в Пиренеях (баски) и на Кавказе в многочисленном и разнообразном составе.

8. Изучая яфетические языки в их статическом состоянии, яфетидология прослеживает процесс развития внутри их, а в связи с этим и общий ход процесса развития речи вообще, поскольку он проявляется в своей определенной части в языках яфетических систем.

9. Поскольку яфетическое состояние языков оказывается лишь одним из этапов развития речи, ставится на очередь вопрос о предшествующем их состоянии и о перерождении их в языки других систем.

10. Каждое явление как в языковой речи, так и в других областях культуротворчества, изучается в его застигнутом состоянии, для полного уяснения которого прослеживается то же явление в его предшествующем состоянии (палеонтологический анализ).

Б. В части намечаемых положений по общему языкознанию.

11. Человеческая речь едина в своем процессе развития. Сложившиеся языковые системы, обычно именуемые „семьями", представляют собою идущие по обособившемуся уклону оформления этого единого процесса развития.

12. Возникновение человеческой речи обусловлено группировкою человеческих инди-

видуумов, связанных удовлетворением общих жизненных потребностей и нуждавшихся в средствах общения между собою.

13. Первым прослеживаемым средством общения служил язык жестов, телодвижений и мимики (кинетическая речь). Период кинетической речи весьма длителен и должен был иметь свои подразделения.

14. Первичные элементы звуковой речи сопутствовали кинетической, как рефлекторные акты, на первых стадиях простейших общественных объединений, когда производительный труд человека не отграничивался еще в его понимании от магического действия.

15. Достижение членораздельности звуков не вызывалось одними только потребностями общения, удовлетворявшимися кинетической речью. Происхождение членораздельной звуковой речи приходится искать в магических действиях, необходимых для успеха производственной деятельности и сопровождавших тот или иной коллективный трудовой процесс.

16. Необходимость приурочения к кругу понятий особого звукового наименования (начальный период словотворчества) относится уже к периоду усиления коллективной деятельности человеческих объединений. Такой первичный круг понятий имел культовый характер, но в особом понимании культовой обста-

новки, так как в мышлении человечества еще не вполне противополагались производственный акт и культовое действо.

17. При выходе человеческих объединений из диффузного состояния мышления увеличивался круг понятий, требовавших особого наименования. С увеличением словарного запаса таковой стал использоваться и в обыденной речи, ведя к постепенной замене кинетической речи языковою.

18. При расширении круга понятий потребовалось увеличение звуковых наименований. Человеческое общество использовало для этого тот же запас первичных элементов звуковой речи, внеся в него фонетическое различение и тем пополняя недостаток словарного запаса.

19. Число таких первичных элементов устанавливается четыре. Они имелись везде и приурочивались к обозначению любого понятия, то-есть были асемантичны (не имели определенной, за ними закрепленной, значимости).

20. Из этих четырех основных элементов (первичных звуковых комплексов) возник весь словарный запас всего человечества во всем его многообразии.

21. При слабом развитии общественности и разновидностей трудовой деятельности, а в связи с этим и при особом укладе мышления,

наименование присваивалось кругу понятий и предметов, то-есть одно наименование обозначало целый ряд предметов и понятий, следовательно, отличалось многозначимостью (полисемантизм). Как пережиток этого состояния сохраняются улавливаемые в исторических языках так называемые семантические гнезда или пучки, объединяющие в одной основе различные значения без логически устанавливаемой нами между ними связи.

22. Выделение отдельных предметов и понятий, требовавших каждое особого наименования, есть более позднее явление развивавшейся общественной жизни, следовательно, и в известной степени развитого мировоззрения.

23. Постепенно нараставшая необходимость особых для этого наименований потребовала увеличения числа отдельных звуковых комплексов, уже слов. Таковые образовались из прежних наименований, приурочивавшихся к кругу понятий и предметов. Поэтому существенное значение приобретает закрепление значимости за данным словом (его семантика).

24. В процессе продолжающегося развития человеческой речи ряд слов связывается по значимости их между собою как семантические дериваты, как вышедшие из прежнего наименования круга понятий и предметов, а позднее

и из отдельного такого наименования, образуя ряд слов с обособившимся их значением (семантические ряды), объединенных между собою преемственным изменением значения (семантические звенья) и восходящих к одной общей для всего данного семантического ряда основе (начало или первое звено семантического ряда).

25. Перемена значения за данным словом зависит от изменения роли именуемого им предмета в общественном его использовании. Таким образом, слово получает свое значение в окружающей общественной среде. С переходом функции одного предмета на другой на последний переносится наименование первого (функциональная семантика и семантические ряды).

26. Развитие речи обусловлено процессом скрещения, то-есть органического соединения основных элементов, а затем и слов одинаковой значимости, что, в свою очередь, является результатом скрещения обособившихся человеческих группировок, позднее племен. Каждый из срастающихся элементов понятен одной из скрещивающихся или входящих в общение единиц и, таким образом, все скрещенное слово понятно обоим вошедшим в общение или скрестившимся массам.

27. Накопление словарного запаса идет

путем скрещения и фонетической дифференциации (различение в звуках) тех же четырех основных элементов, причем, при развитой общественности, особенно в периоде племенных образований, разновидности этих основных элементов и их сочетаний образуют свои основы слов (основы в племенном словотворчестве, основы так называемых национальных языков).

28. В дальнейшем процессе развития речи, для выражения более сложных понятий, образуются так называемые составные слова из соединения двух и более разнозначащих слов. Каждое из них может входить и в различные семантические ряды или быть разными звеньями одного ряда, тогда как в скрещенных словах все слившиеся основы принадлежат не только одному семантическому ряду, но даже одному его звену.

29. Во всем периоде развития человеческой речи, идущем в соответствии с развитием человеческих объединений, следовательно и с развитием других проявлений культуротворчества, выделяются эпохи, характеризуемые господствующим мировоззрением. Такие эпохи именуются стадиями, например, стадия магического восприятия, стадия космического восприятия и т. д.

30. В жизни языка устанавливаются харак-

теризующие признаки, по которым идет процесс развития (координаты). Эти признаки многообразны. Одни из них сопутствуют другим, одни изживаются при усилении других и т. д., например, моносиллабизм (односложность), синтетичность (определение функции слова по его месту во фразе), полисемантизм (многозначимость) и др.

31. Сложившиеся языки характеризуются присущими им комплексами координатов (суммою признаков). По наличию определенного комплекса координатов производится группировка языков, именуемая системою (яфетические системы, семитическая система индо-европейская система и т. д.).

32. Языки группируются по наличию в них тех или иных признаков (координатов), но так как языки, даже и сложившиеся, представляют собою лишь определенное оформление в общем процессе развития речи, то наличие в каждом только точно поименованных признаков невозможно. В каждом языке одни признаки действуют, другие вымирают, третьи зарождаются. Следовательно, группировка их до известной степени условна и проводится по наличию особо характерных для них сумм признаков, как еще в них действенно (активно) присутствующих.

33. При таких условиях, ряд языков ока-

жется по им присущим признакам относящимися к разным системам. Такие языки называются находящимися в переходном состоянии от одной системы к другой. Это наименование пока условно, так же как пока еще условна и сама группировка по комплексам координатов, устанавливаемым яфетидологией.

34. Язык есть одно из проявлений культурной жизни человека. Поэтому деление на стадии и системы, установление координатов, выяснение основных элементов и т. д. должно быть проведено и в других проявлениях культуротворчества, в частности, в изучении памятников материальной культуры и мифотворчества.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ ЯФЕТИДОЛОГИИ.

Яфетическое языкознание выросло на почве изучения так называемой кавказской группы языков. Эти языки, своеобразные по своей структуре, оказались в то же время крайне устойчивыми в сохранении архаизмов, ярче улавливаемых по ним, чем по языкам других более развитых систем. Позднее, в процессе длительной исследовательской работы, внимание сосредоточилось на анализе улавливаемых архаизмов, что, в свою очередь, неминуемо должно было поставить и действительно поставило генетический вопрос. Постановка такового вопроса повлекла за собою углубление палеонтологического подхода к изучаемым языкам.

Первые работы акад. Н. Я. Марра, направленные на исследование языков Кавказа, как представителей особой языковой группы, проводились, как признает и он сам, по общепринятому филологическому методу изучением литературных языков, грузинского и армянского. Новым и в значительной степени нео-

жиданным в этих работах оказался подход к ним без строгого их отграничения от языков других систем и в то же время с проведением определенной группировки внутри их самих. Первое выразилось в сравнении их с языками семитическими, что привело к утверждению о родстве с последними языков кавказских, в частности грузинского. Положение это, впервые встречающееся в научной литературе, было высказано Н. Я. Марром [1] в газетной статье 1888 г. („Иверия" № 86) и через 20 лет подтверждено в „Основных таблицах к грамматике древне-грузинского языка" (1908 г.). Отказавшись от изолированного подхода к языкам Кавказа, названным яфетическими, Н. Я. Марр тем самым уже заложил основу для будущего обострения общего глоттогонического вопроса, хотя и ограничившись пока сопоставлением трех обособленных языковых ветвей — семитической, яфетической и хамитической — с указанием на их взаимное родство, объединяемое одною „ноэтическою" семьею. Группировка же в пределах самой яфетической ветви проведена была лишь выделением языков мегрельского, чанского и доарийского ḥайского в особую группу тубал-

[1] Первая печатная работа Н. Я. Марра в газете „Иверия" № 86 за 1888 г. на грузинском языке переведена на русский и помещена в ПЭР.

кайнскую, а языков сванского и до-арийского армянского в другую группу — сомехскую. Третья группа, включавшая языки грузинский и слившийся с ним месхский, была названа кашдмосохскою. И, наконец, в особую группу были отнесены еще не опознанные языки той же яфетической ветви. В таком виде появилась первая генеалогическая таблица яфетических языков, помещенная в „Грамматике чанского (лазского) языка“ 1910 г. (МЯЯ II). [1]

Оспаривая мнение Fr. Müller'a, утверждавшего, что грузинский не имеет родства ни с одною известною семьею языков, в том числе и с семитическою, Н. Я. Марр продолжал настаивать на родстве названных языков, и делаемые им сопоставления привели к прослеживанию яфетической основы отдельных слов, попавших самостоятельно или через посредство семитических в языки, в то время еще считавшиеся совершенно обособленными, как,

[1] См. также „Тубал-кайнский вклад в сванском“, ИАН 1912, и другие цитируемые ниже работы тех же годов. В работе 915 г. „Кавказский культурный мир и Армения“, ЖМНП, деление кавказских яфетических племен на основе языкового отличия проводится по трем группам: картская (грузины или картвелы, ныне свистящая группа сибилянтной ветви), иверская (мегрелы и лазы, или чаны, ныне шипящая группа сибилянтной ветви) и сваны (ныне спирантная ветвь, ее гибридный представитель по скрещению с шипящею сибилянтною), стр. 23.

например, индо-европейские. Углубление общего яфетического источника, отмеченного еще в речи на годовом собрании Академии Наук 1911 г. „Кавказ и памятники духовной культуры" (ИАН, 1912), привело к первому столкновению с индо-европейскою школою, выразившемуся в отрицании чистоты индо-европейской природы армянского языка. В результате явилось новое освещение последнего не как индо-европейского, а как языка постольку же индо-европейского, как и яфетического. Всплывшее в нем наличие, тогда противополагавшихся как не родственных, норм арийских языков и языков кавказских привело к утверждению, что языки Армении наполовину индо-европейские, наполовину кавказские яфетические, и выделение в них слоев последнего выявилось в целой серии одиннадцати работ, объединенных общим заголовком „Яфетические элементы в языках Армении" (1911 — 1919 гг.). [1]

Развивая свои исследования в области армянских языков, Н. Я. Марр в работе своей 1915 г. „Кавказский культурный мир и Армения" (ЖМНП) прослеживает потоки арийской иммиграции, шедшие через Фригию и из Ирана в земли яфетического населения Закавказья.

[1] ИАН, за годы: 1911—1914, 1916, 1918, 1919.

Яфетические народы, говорится в этой работе, не только оказывали отпор миграционному внедрению инорасовой среды, но и реагировали встречным движением на юг. Одно такое движение относится ко времени возвышения эниохов. Господство их в этом крае совпало с эпохою замирания, последовавшего за внедрением индо-европейцев и за падением ванской культуры халдов. Оно должно было усилить наличный яфетический слой языков новым притоком яфетических же элементов и оно, как говорилось в указанной работе, оставило глубокий след в сложной расовой психике армянского народа, что, между прочим, отложилось и в национальном их названии *h*айк, являющемся разновидностью *h*анох (*h*эниох). Этот *h*айский язык характеризуется как язык феодальной древней литературы армян. Первоначально он был живым языком одного из народов Армении, ныне он уже мертвый. Он сделался языком армянских князей и феодалов также и в тех частях страны, где природным языком был другой, армянский. Последний язык сохранился в простонародьи, став в феодальной Армении языком низшего сословия. Оба они, и *h*айский и армянский, родственны между собою, одинаково древни, самостоятельны и лингвистически равноправны, причем армянский язык, в противоположность умершему *h*айскому, дожил до

наших дней в многочисленных наречиях и особенно говорах. В дошедшем до нас виде, в письменных источниках и в живой речи, оба эти языка уже мешанного яфетическо-индоевропейского типа. Такое деление языков Армении на два сохранилось и в последующих работах Н. Я. Марра с изменением лишь их номенклатуры, сначала на *h*айк'ские и *h*ай'ские, а позднее на кейские и рейские. В основе последних названий лежит характерная особенность образования мн. числа в одних на „к", в других на „р": кейский (феодальный, древнелитературный) и рейский (народный армянский). [1]

---

[1] См. также „Грамматика древне-армянского языка", изд. Вост. Фак. Спб. Унив., 1903; „Этимология арм. сепуh и грузин. cene", ЗВО V; „Яфетическое происхождение арм. слова margarey «пророк», ИАН, 1909; „Яфетическое происхождение *h*айского beran «рот», Ан, 1910; „Два яфетических суффикса - te (- ti — t) в грамматике др. арм. языка", ИАН, 1910;„ Бог Sabadios у армян", ИАН, 1911; „Фрако-армянский Sabadios aswat и сванское божество охоты", ИАН, 1912; „К вопросу о ближайшем родстве армянского языка с иверским", ЗВО, XIX; „К дате эмиграции мосохов из Армении в Сванию", ИАН, 1916. Деление языков Армении на два см. „Яфетические элементы в языках Армении", „Кавказский культурный мир и Армения", ЖМНП, 1915 „Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян", ЗВО, XXV, 1922; „Надпись Русы II из Маку", ЗВО, XXV, 1922, и др.

Подобное же изменение номенклатуры с постановкою в ее основу особенностей структуры речи, взамен прежних легендарных и исторических племенных названий, проводится и по отношению к другим языкам. Переходною в этом отношении работою Н. Я. Марра является „Кавказоведение и абхазский язык" (ЖМНП. 1916 г.). Настаивая попрежнему на необходимости выделения яфетических языков в самостоятельную группу, Н. Я. Марр уже отмечает, что с привлечением в круг исследований и бесписьменных языков горских народов Кавказа состав яфетических языков столь разросся, что приходится ставить под вопрос самую возможность объединения семитических, хамитических и яфетических языков в одну семью, ноэтическую, и что уже приходится говорить о четвертой самостоятельной семье, яфетической, в отличие от индо-европейской, семитической и турецкой, вне зависимости от вопроса о родстве этих семей между собою. В пределах же одной яфетической семьи приходится выделить две большие ветви, отличающиеся друг от друга тем, что в одних и тех же по происхождению словах одна из ветвей закономерно обнаруживает звуки свистяще-шипящие, или сибилянты, в противоположность спирантам другой ветви. Это новое положение сохранилось во всех последующих работах Н. Я. Марра

до последнего, вышедшего в 1928 г., Бакинского курса „Яфетическая теория", приведя к следующему делению: 1) сибилянтные языки, подразделяющиеся в свою очередь на свистящие (грузинский) и шипящие (раньше „тубалкайнские", мегрельский-иверский и чанский-лазский), 2) спирантные, мешаные в своей основе с указанными выше сибилянтными, а именно спирантные + сибилянтные - свистящие (абхазский) и спирантные + сибилянтные - шипящие (сванский). Такое деление не нарушилось и с углублением исследовательского подхода к северным языкам Кавказа. В своей работе 1917 г. „Непочатый источник истории кавказского мира, из третьей лингвистической поездки в Дагестан" (ИАН, 1917) Н. Я. Марр, полностью проводя новое деление яфетических языков, указывает на ближайшее сродство лезгинских языков с абхазскими и для дальнейшей работы по прослеживанию генетического родства кавказских языков видит единственное препятствие, заключающееся в устаревшем представлении о разнородности и хаотичности многочисленных коренных языков Кавказа.

Все же и это препятствие не остановило последующей планомерной проработки вопроса о классификации кавказских народностей, сводка материалов по каковому дана

Н. Я. Марром в „Племенном составе населения Кавказа “ (1920 г.). [1]

Как указывалось выше, прослеживание взаимоотношения яфетических племен и их соприкосновения с семитами и индо-европейцами отметило яркий пример в образовании мешаного яфетидо-индо-европейского типа на почве Армении. Если же предпосылкой к объяснению новообразования армянских языков выдвигался наплыв индо-европейской иммиграции, налегший на яфетический слой уже наличного здесь населения и с ним смешавшийся, то значительный интерес должен был обра-

---

[1] См. также: „Из поездки в Турецкий Лазистан“, ИАН, 1910; „Где сохранилось сванское склонение“, ИАН, 1911; „К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических“, МЯЯ, V, 1912; „История термина абхаз“, ИАН, 1912; „Яфетическое происхождение абхазских терминов родства“, ИАН 1912; „Из лингвистической поездки в Абхазию“, ИАН, 1913; „Заимствование числительных в яфетических языках“, ИАН, 1913; „Из абхазских личных имен“, ХВ, II , 1913; „Из поездок в Сванию“, ХВ, II, 1913; „О происхождении имени Анапа“, ЗВИО, 1914; „Абхазское происхождение грузинского термина родства bida «дядя», ИАН, 1914; „О религиозных верованиях абхазов“, ХВ IV, 1915; „Яфетические названия деревьев и растений“, ИАН, 1915; „К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа“, ИАН, 1916; „Еще о слове Челеби“, ЗВО, XX; „Племенной состав населения Кавказа“, ТКИПС, III, 1920; „Кавказские племенные названия и местные параллели“, ТКИПС, V, 1922.

тить на себя и исторически зафиксированный язык обитавшего здесь же населения, жившего до проникновения иноплеменных волн и сохранившегося в клинообразных текстах царей древнего Вана. Специальному исследованию этого, халдского, языка посвящено десять работ Н. Я. Марра, начиная с 1915 г. [1] Кавказоведный подход к нему определил принадлежность его к спирантно-шипящей группе, то-есть близость по типу к языку сванскому и шипящим мегрельскому и чанскому. В то же время углубление в изучение структуры речи халдской клинописи несколько затуманило ясность объяснения армянского скрещения, выводившегося из соприкосновения наличных яфетидов с пришлыми индо-европейцами в историческую

[1] „Халдская клинообразная надпись из села Леска", ИАН, 1915; „О Чалдырской халдской надписи", ЗВО, XXIII, III, 1915: „О халдском puli «камень» и pili «камень», «водопровод», ИАН, 1917; „Материалы по халдской эпиграфике из командировки И. А. Орбели в Турецкую Армению", ЗВО XXIV, 1917; „Обломки Делибабинской халдской надписи", ЗВО, XXIV, 1917; „Надпись Сардура II сына Аргиштия в Даш-Керпи на Чалдирском озере", ЗКМ, В—I, 1919; „Фрагмент халдской надписи из Алашкерта", ИАИМК, I, 1920; „Надпись Русы II из Маку", ЗВО, XXV, 1922; „Надпись Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван", изд. Рус. Арх. Общ., 1922; „Заметки по яфетическим клинописям" 5 — 6. ИАИМК, III, 1924.

эпоху, последовавшую за крушением древневанского царства. Оказалось, что и сам язык халдов древнего Вана был уже в VIII веке до начала нашей эры в состоянии разрушения цельности своей структуры как языка яфетического, что, в свою очередь, указывало на факт чрезвычайно разлагающего воздействия иноплеменной речи уже в восьмом веке до христианского летосчисления. В виду этого, вопрос о разрушении яфетических языков пришлось передвинуть в эпохи значительно более древние и в гораздо большем масштабе с захватом всех клинописных яфетических языков, не исключая и шумерского. Это положение, высказанное Н. Я. Марром в резолютивной части „Надписей Сардура II из раскопок ниши на Ванской скале“ (1922 г.), ограничилось пока отдельными экскурсами в область шумерской речи, начиная с работы 1921 г. о „Яфетическом происхождении шумерского tam-dam (в Handes Amsorya) и включая три работы 1924 г. В одной из них — „Заметки по яфетическим клинописям“ [1] шумерский язык признается в своей основе тоже уже скрещенным типом яфетического языка. Таким образом, древнейший из дошедших до нас клинописных языков и сам оказался сохранившим много тради-

[1] ИАИМК, III, 1924.

ционно-литературного языкового материала, отложившегося в нем по наследию от ему самому предшествовавшего культурного языка какого-то другого яфетического народа Месопотамии [1].

Эламский язык, даже в ново-эламском его преломлении в языке 2-й категории Ахеменидских клинообразных надписей, признан также языком яфетическим, хотя и нарушенным в цельности своей структуры и сильно изношенным по своему корнеслову, так как в нем твердый гортанный проявляет склонность к падению в слабый исчезающий спирант, что приводит к более истертому виду корня, чем даже в абхазском. Склонение в языке 2-й категории Ахеменидских надписей чисто яфетическое с сохранением обще-яфетической огласовки род. падежа на — *i*. По согласному элементу в этом падеже (— *in*) язык 2-й категории приближается к коренному слою сванского. Степени

[1] См. также „Пережитки семантических групп «небо+вода» из шумерского языка", ДАН, 1924; „Шумерские слова с основою *en* в освещении одного из положений яфетической семантики", ДАН, 1924; „К пересмотру распределения шумерского языка. I *mu*" ДАН, 1927. Ср. также „Яфетидизм в ассирийском из семантической группы «небо||гора||голова», ДАН, 1924; „От шумеров и хеттов к палеоазиатам (по енисейско-остяцким материалам)", ДАН, 1926; „Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи: «пить ← вода»," ДАН, 1927.

сравнения в прилагательных равным образом чисто яфетические по формуле образования pronomen+adjectivum в род. падеже. Местоимения имеют яфетическую основу. Числительные примыкают к мешаному типу спирантной группы тех же яфетических языков. Спряжение образуется с наращением по яфетической норме вспомогательного глагола *man* или *an* и суффиксными придатками по типу шипящих языков и т. д. Хотя Н. Я. Марр не определяет точнее место языка 2-ой категории среди других яфетических, но в таблице, приложенной к работе „Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания“ (ЗВО, XXII, 1914 г.), включает этот язык в число яфетических, еще окончательно не характеризованных. В последующих своих работах Н. Я. Марр относит этот язык к спирантным, чистыми представителями которых еще и в упомянутом сейчас труде называются горские языки Кавказа, чеченский с его разновидностью цово-тушинским и языки андо-дидойские, относимые одно время Н. Я. Марром, вместе с эламским, к особо им выделявшейся третьей группе яфетических языков, сонорной.

Яфетидологический подход к передне-азиатским языкам наметился и в анализе отдельных терминов еще не изученных языков, как то:

qepa в митанских женских именах (ИАН, 1920 г.), и в прослеживании яфетидизмов в языках не яфетических, как-то: в ассирийском по семантической группе «небо — гора — голова» (ДАН, 1924).

В результате проведенных работ по изучению клинописных языков укрепилось мнение о яфетическом происхождении клинописи вообще как системы письма и уточнился подход к самим языкам, изучаемым по клинообразным письменам. Н. Я. Марр признает, что и в Междуречье исследование должно быть направлено на выяснение скрещения в творчестве и прогрессе языка, что и здесь дело идет не о простом заимствовании слов или форм языком одной семьи от языка другой, а об усвоении гетерогенных элементов в длительном процессе скрещения прежних разноприродных языков и о нахождении перед нами новых гибридных языковых типов. Даже, казалось бы, одноприродный шумерский язык, язык яфетической семьи, как бы древен он ни был, представляет собою не примитив, а искусственный письменный язык, лежащая же в его основе живая речь есть уже природно скрещенный тип языка, в котором отложились слоями различные яфетические языки-примитивы. Н. Я. Марр заявляет, что с некоторыми слоями шумерского языка вскрывается общность элементов у пире-

нейских языков, в частности и у баскского. Что же касается основы месопотамской клинописи, то имеется полное основание полагать, что создание ее возводится не к шумерам, а к еще более древним яфетидам. Во всяком случае, яфетические элементы месопотамской клинописи выходят за круг материалов так называемой шумерской речи. [1]

Мешаность (гибридность) устанавливается Н. Я. Марром и в малоазиатских языках. Эта, несомненно, наличная гибридность заставит, по его словам, умерить притязания индо-европеистов и в части восьми хеттских языков. Признаки не только лексические, но и морфологические приводят Н. Я. Марра к заключению, что от индо-европеизма, в частности языка арзавских писмен, придется отказаться не только Knudtzon'у, но и Fr. Hrozny с его сторонниками. Лидийский язык, если он правильно улавливается в bilingua с арамейским, также выявляет свою яфетическую структуру. Впрочем, оговаривается Н. Я. Марр, этот „лидийский" язык, на связь которого с кавказскими и этрусским указывал еще Cuny, уже язык позднейшей эпохи с явно иранскими элементами. К таким заключениям пришел Н. Я.

---

[1] См. „Заметки по яфетическим клинописям", ИАИМК II, 1924.

Марр в своем предварительном отчете по командировке в пределы древней Этрурии и Баскии (ИАН, 1921 г.), то-есть тогда, когда в круг его яфетидологических исследований оказались включенными и языки западных яфетидов.

К этрусскому языку Н. Я. Марр подходил еще на студенческой скамье и уже в 1911 г. работал над ним в Париже. Затронув вопрос „о происхождении племенных названий этруски и пеласги" (ЗВО, XXV, 1922 г.), Н. Я. Марр указывал на связь этруского не только с хеттским и халдским, а следовательно, и эламским, лингвистическим миром, но и с выдвигаемою яфетидологией проблемой об отношении пеласгов к эллинам и об образовании вообще эллинской нации в процессе скрещения с неариоевропейским ионийским племенем, связь которого с Кавказом выразилась в доисторические эпохи эллинского национального самосознания богатым набором мифов и сказаний. В этом кратком указании уже чувствуется приближающийся подход Н. Я. Марра и к самим индо-европейским языкам. На связь кавказского слоя с Этрурией указывали еще A. Fick (1909 г.) и Borck (1912 г.). Н. Я. Марр признает эту связь и в то же время, развивая ее, вводит существенную оговорку и существенное уточнение в понимании яфетидов как племен

носителей яфетической речи. Лингвистический анализ привел его к выводу, что у яфетической семьи языков оказались не только культурно-исторические, но и этно-культурные генетические связи с тремя семьями языков: семитической, индо-европейской и даже турецкой. В этом периоде своих работ Н. Я. Марр признавал, что все лингвистическое учение об яфетических языках построено на родстве их с семитическими языками, притом родстве изначальном и что, без вхождения в языковую природу яфетидов путем освещения, получившегося от сравнительного изучения яфетических языков с семитическими, мы не имели бы сравнительной фонетики. Сравнительная фонетика признается базой яфетической теории и опорою для прослеживания истории яфетических языков. При историческом к ним подходе оказывалось, что на Кавказ яфетиды попали, уже достигнув флективности речи, то-есть после отделения их от семитов. Отсюда естественен был вывод, что Кавказ не мог быть родиной яфетидов, переживавших агглутинативный и синтетический периоды вне его пределов. Став на эту точку зрения, яфетидология не могла еще отказаться от вопросов о прародине, и таковая относилась или к Африке, с хамитическим населением которой некоторые ученые находят лингвистическое родство або-

ригенов Пиренейского полуострова, ныне определившихся как яфетиды, или к глубинам Азии.

Тот же исторический подход был полностью применен и к этрусскому вопросу, результатом чего явилось утверждение, что в определенную эпоху, предшествовавшую образованию царства халдов на месте прежнего Урарту, яфетиды Ванского района эмигрировали на запад. В этом утверждении Н. Я. Марр резко разошелся с Max Müller'ом, который исключал возможность движения этрусков с малоазиатского Востока и видел в этрусках европейцев. Н. Я. Марр, в 1922 г., еще придерживался определенного методологического подхода с преобладающим значением переселенческого фактора и, устанавливая в племенном имени этрусков основу r u s || r a s, наличную и в передне-азиатском мире, включая Закавказье (U-r a r-t u, A-r a r-a t, A-r a k s и др.), прослеживал их движение с юга Кавказа, из пределов бассейна Ванского озера, Средиземным морем через Лидию на Апеннинский полуостров. Другая разновидность той же основы l a s l e s, наличная как в имени p e-l a s-g, так и северо-кавказском l e s-g (лезгины), прослеживается в своем движении с северного Кавказа Черным морем или северным его берегом на Балканы [1].

[1] „К вопросу о происхождении племенных названий этруски и пеласги", ЗВО, XXV, 1922; „«Лошадь» «птица»,

Все же в этом сравнительно-историческом подходе явно ощущается ряд вновь выдвигаемых положений и резко чувствуется перелом к новому методу исследовательской работы. Кавказ окончательно перестает быть единственным пунктом яфетидологических изысканий. Яфетический элемент улавливается в различных местах далеко от его географических границ. И если для объяснения признанного факта наличия яфетидов в различных друг от друга весьма отдаленных местностях продолжает еще применяться обычное переселенческое толкование, то все же само яфетическое языкознание, выросшее на теории генетического родства с семитическими языками, переросло прежнюю свою формулировку этого родства и ныне уже собственными материальными данными стремится определить место семитической семьи языков в ее родстве с яфетическими. Сами яфетические языки прослеживаются в трех периодах языкового творчества: флективном, агглутинативном и даже, по наличным пере-

---

тотем урарто-этрусского племени и еще два этапа в его миграции", ЯС,I, 1922. Ср. также более поздние работы по этрусскому языку: „Составной характер этр. tusurθi «девушка», «дочь»", ДАН, 1924; „Название этрусского бога смерти Kalu и термины «писать», «петь», «чорт», «поэт-слепец»", ДИАН, 1924; „Из поездки к европейским яфетидам", ЯС, III, 1925.

житкам, в аморфно-синтетическом. Если, таким образом прослеживается миграция этрусков и басков из Ванского района Армянского плоскогорья, то вместе с тем на всем громадном протяжении от Кавказа и Малой Азии до Пиренейского полуострова устанавливается наличие языков одной яфетической семьи. Таким образом, параллельно и вне зависимости от прослеживания переселенческих путей выдвигается вперед третий (яфетический) элемент в созидании средиземноморской культуры, причем и само понятие великого „переселения" народов заменяется, по отношению к яфетидам, великим „расселением" яфетического племени. Если, наконец, последний удар по единству яфетического мира приписывается „вторжению" индо-европейцев, то это „вторжение" сохраняется лишь за ними, так как семиты уже признаются не „вторгшимися", а „выделившимися" из общего с яфетидами языкового ствола. Заметно также прослеживание переходных периодов от одного строя речи к другому, например, баскский язык по своему морфологическому строю определяется как находящийся в переходном периоде от агглутинативного к флективному, когда флексии в склонении подвергалось лишь местоимение, сраставшееся с именем существительным. Выдвинуто на первый план и скрещение языков (гибри-

дизация) как яфетических между собою, так и яфетических с не яфетическими. Указывается бесспорный гибридный яфетическо-турецкий язык, табасаранский. Та же гибридизация прослеживается и в гораздо большем масштабе с захватом самого европейского культурного мира, в котором, хотя бы и в трансформированном виде, сохранились и психология и речь яфетической подосновы, на каковой, в процессе скрещения, выросли эллины, римляне и позднейшие романские народы, эти столпы в творчестве европейской мировой культуры. [1]

Следовательно, если индо-европейцы и „вторглись" в Европу, то все же они, путем гибридизации, восприняли в самую свою структуру этот третий этнический элемент. Там же, где соприкосновение с индо-европейцами не повело к резкой гибридизации, там сохранились вплоть до наших дней уцелевшие осколки старого яфетического слоя. Таков и современный нам баскский язык на западе Европы. При таком подходе, ясно выраженном в ярком труде Н. Я. Марра „Der japhetitische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der Mittelländi-

[1] Там же. Ср. также „Ossetica-Japhetica", ИАН, 1918 и дополнение там же; „Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян", ЗВО, XXV, 1922.

schenkultur (МЯЯ, XI, 1920—*JS*, III, 1923 г.), казалось бы, что баско-кавказские параллели могли быть объяснены не одною только миграцией басков к Пиренеям из пределов древнего Вана.[1]

Баскскому языку посвящено свыше десяти работ Н. Я. Марра. В первой из них — „О яфетическом происхождении баскского языка" (ИАН, 1920 г.) Н. Я. Марр, подчеркивая свой еще студенческий интерес к этому языку, отмечает указанную в западной литературе Hugo Schuchardt'ом, A. Trombetti, P. Fidel Fita и др. изолированность баскского языка среди окружающих его индо-европейских и связь его с кавказскими. Так, между прочим, A. Trombetti изображал генеалогическое соотношение между языками северной Африки, Пиренейского полуострова и Кавказа геометрической фигурой, построенной на родстве между египетско-берберской или северо-хамитической группой, баскским и кавказскими языками. У него получился своего рода треугольник, вершина которого, наиболее близкая к месту происхождения трех этнических единиц, может быть разыскана в северной Африке. Н. Я. Марр в указанных своих работах анализирует баскский язык как яфетический и посвящает ему ряд исследований по этимоло-

[1] См. также „Яфетиды", Восток, кн. I, 1922.

гии отдельных слов „Du terme basque udagara «loutre»“ (ЯС, I, 1922 г.), „Analyse nouvelle du terme Pyrénées“ и „Les Pyrénées ou Monts Ioniens“ (ДАН, 1925 г.). Посвящается ему и ряд работ, затрагивающих общие вопросы о словообразовании, например, о префиксах в баскском (ДАН, 1925 г.). Не соглашаясь с многими взглядами европейских ученых, в частности Uhlenbeck'a, на природу баскского языка, Н. Я. Марр развивает свой взгляд на этот язык в статье „De l'origine japhétique du basque“ (1926 г.) и в последней своей работе „Из пиренейской Гурии“ (ИКИАИ V, 1928 г.). В баскском языке, как яфетическом, оказались спряжения абсолютное и относительное. Впрочем, это деление форм спряжения отметили и яфетидологи и западные басковеды, поэтому и у тех и у других одинаково выделены одни и те же категории в наиболее оригинальной области яфетической морфологии, именно в спряжении, и обращено особое внимание на различение и местонахождение аффиксов субъективных и объективных. Иногда и сами явления языковой речи вынуждали своим тождеством и Н. Я. Марра и западных басковедов называть их одними и теми же терминами. Н. Я. Марр признает установленным лингвистическими фактами, что баскский язык, вместе или параллельно с другими

яфетическими, прошел в генетически родственных с ними формах этапы развития речи. Так, абсолютных форм у яфетидов не имеется в глаголах действия. И у басков немыслимо образование глагольных форм действия без всякого отношения к субъекту или объекту. Но, давно выйдя из первичной стадии человеческого мышления с физически-материальным восприятием понятий, то-есть мышления без дифференциации отвлеченных и конкретных явлений — вещей, баски используют логически абсолютно даже те относительные формы, в которых имеются налицо показатели прямого объекта, следовательно, они не замечают наличия отношения к объекту, выраженного в формах местоименных показателей, совершенно так же, как это наблюдается у кавказских яфетидов, в частности, у грузин.

Что касается места баскского языка среди других яфетических, то он, в работе „О яфетическом происхождении баскского языка“ (ИАН, 1920 г.) определяется, по лексическим материалам, как один из пережиточных представителей спирантной ветви, по типу уже гибридизированный, скрещенно с родственными яфетическими языками, особенно с одним из языков шипящей группы сибилянтной ветви, давая конструкцию, сходную со сванским и древне-литературным армянским.

Взгляд на этот язык не меняется и в последней работе Н. Я. Марра „Из пиренейской Гурии“ (ИКИАИ, V, 1928 г.), где подчеркивается общее для всех вообще языков положение об отсутствии чистых, не скрещенных, языковых типов. Баскский язык тоже скрещенный, и при том скрещенный даже не из языков-примитивов, а из развитых представителей речи. Сам его носитель, баскский народ, представляет собою, в дошедшем до нас виде, сильно скрещенный культурный народ своей эпохи, более того, он представляет собой скрещение не примитивных племен, а исторических народов, иберов, этрусков, до-эллинских ионов и до-римских италов. У басков скрещение сказывается и в морфологии; так, в склонении окончание активного (местоименного) падежа „*к*“ повторяет мегрельский признак того же падежа „*q*“, а окончание мн. числа в имен. падеже „*к*“ повторяет армянский показатель множественности „*q*“. В род. падеже у басков сродство приближается к тождеству с мегрело-чанским, халдским ванской клинописи и особенно армянским. Даже в фонетике выступает у басков явно яфетическая трехступенность каждого рода переднеязычных и губных согласных, совершенно так же, как у грузин, мегрелов, сванов, абхазов и прочих яфетидов. Н. Я. Марр уточняет прежде им же

данное определение места баскского языка среди яфетических указанием на принадлежность его к шипящей группе в скрещении с одной стороны со свистящей, а с другой — со спирантной ветвью.[1]

Из всего хода развития яфетидологии мы видим неизменное стремление к расширению площади исследования. Изолированное ныне положение баскского языка в индо-европейском окружении запада Европы, такое же изолированное положение кавказских яфетидов и, еще восточнее, вершиков на Памире, оказавшихся, по мнению Н. Я. Марра, тоже яфетидами по структуре своей речи, выдвинуло на очередь вопрос о более широком их распространении в доисторические времена, чем пределы только Средиземноморского бассейна. Такое расширение поля исследования повело в свою очередь к углублению не только вертикального разреза с приближением к более далеким от нас по времени хронологически старшим, языкам но и к углублению самого метода исследования и даже к положению в его основу нового подхода, почва для чего

[1] См. также „De l'origine japhétique du basque" и „Две новые работы Uhlenbeck'a по баскскому языку", оба в сборнике „Язык и литература" ИЛЯЗВ, 1926. Ср. „«Север» и «мрак»||«левый» от Пиренеев до Месопотамии", ДАН, 1924; „К грузинским надписям из Мескии", ЗКВ, I, 1925.

оказалась уже подготовленной. Географическая площадь увеличивалась привлечением все новых и новых языков с прослеживанием в одних из них основного яфетического слоя, в других лишь уцелевших, но все же ясных яфетических пережитков. Древнейшие исторически зафиксированные языки, как, например, шумерский и эламский, уже вошли в научную обработку. Мы остановились на нижней хронологической грани, причем и в ней не нашли языков-примитивов. Отсюда естественным явилось дальнейшее развертывание подхода к генетическому вопросу с поисками языков-примитивов не в наличном цельном их виде, каковых среди привлеченных к исследованию пока не оказалось, а в улавливании их облика по наличным, хотя бы уже и развитым типам. В результате, пришлось приблизиться к вопросу о видоизменениях человеческой речи в общем течении ее развития. Впрочем, когда самым ходом исследования наиболее обострился этот вопрос, оказалось, что начала работ по таковому заданию уже лежали заложенными в предыдущих трудах Н. Я. Марра, тогда еще окончательно не формулированные, но все же вынесенные наружу самим материалом, над которым производился исследовательский анализ.[1]

[1] См. „Яфетидологический подход к палеонтологии семитических языков", ЯС, I, 1922; „«Лошадь»||«птица», тотем

В работе „О происхождении племенных названий этруски и пеласги“ (ЗВО, XXV, 1922 г.) Н. Я. Марр, как мы видели выше, был уже далек от мысли считать этрусский язык непременно представителем примитивных яфетических языков. Этруски, как и пеласги, находились в условиях, обязывающих пережить процесс скрещения и гибридизации подобно тому, как на Кавказе пережили процесс яфетическо-ариоевропейской гибридизации два языка Армении, возникшие в тех же условиях. В процессе такого скрещения языков могло оказаться, что то или иное племя сохранило от яфетидизма лишь одно наименование. Анализ племенного названия в таком случае приобретает более самостоятельное значение, но и в этом случае нет основания терять надежду в целесообразности искания яфетических элементов не только в языке, перерожденном из яфетического в другой, но и в языках соседивших народов, тем более тех народов, которые дали миру пышный расцвет человеческой речи на территории, унаследованной от исчезнувшего культурного населения предшество-

---

урарто-этрусского племени и еще два этапа в его миграции“, ЯС, I, 1922; „Термин Скиѳ“, ЯС, I, 1922; „Батум, Ардаган, Карс. Исторический узел межплеменных отношений Кавказа“, Петр. 1922; „Каппадокийцы и их двойники“, ИАИМК, II, 1922.

вавшей поры. И не одни только, — говорится в той же работе Н. Я. Марра, — художественные достижения эллинов в памятниках материальной культуры получены усвоением духовных богатств исчезнувших творцов-народов, происходило ли это усвоение под непосредственным воздействием совершенных форм материальных памятников их культурного наследия или в силу наследственно сохранившегося накопления культурных навыков древнего народа в поглощавшем его скрещенном этническом новообразовании.[1]

Как мы видели выше, в работе 1921 г. „Предварительный отчет по командировке в пределы древней Этрурии и Баскию" Н. Я. Марр, продолжая объяснять появление в Европе индо-европейских языков внедрением иноплеменных арийцев, в то же время уже в достаточной мере решительно формулирует свой взгляд на невозможность ограничения доисторической площади расселения яфетидов только районами их нынешнего проживания. По мере углубления в литературу и в самые лингвистические материалы, — говорит Н. Я. Марр, — все яснее и яснее выявляется, что как с этрусским, так и с баскским языками связаны про-

[1] См. также „Яфетические названия красок и плодов в греческом", ИАИМК, II, 1922; „Термин", βασιλεύς ЯС I, 1922, и работы, цитированные в следующем примечании.

блемы о первоначальном населении всего Апеннинского и Пиренейского полуостровов, повидимому, сплошь яфетическом. При этом, названные два района до-индоевропейского мира этнически, несомненно, охватывают каждый страны за пределами указанных полуостровов и примыкающих к ним материковых частей вглубь Франции и в Альпы. Апеннинский район в своих древних слоях населения Италии охватывает и Балканский полуостров с эгейским островным населением, а пиренейский район охватывает не только полуостров Иверию, но и остров Иверию, или Ирландию, первоначально охватывает до-индоевропейское население вообще Британских островов, где пикты, сродные с басками, оказываются вовсе не единичными пережитками яфетидов. И не только термины I-ber-ıa и I-tal-ıa морфологически сохраняют пережиточный след чистых яфетических норм, но и термины I-tal-ıa и Θe-sal-ıa являются такими же свидетелями единства первичного населения на обоих полуостровах, как и племенные названия pe-las-g и et-rus-k. Но, — продолжает Н. Я. Марр, — в каждом районе имеется своя группировка яфетических языков, и расхождение между яфетическими языками Кавказа и яфетическими языками Европы проистекает не столько от материального разнообразия элементов скре-

щения, сколько от разнообразия путей и пропорционального отношения скрещивающихся единиц из одних и тех же яфетических языков, часто носящих одни и те же названия на востоке и на западе, например, на Пиренейском полуострове, где находим не одних только иберов и басков, повторяющих такие же племенные названия Кавказа. Но рядом с этими меж-яфетическими скрещениями на западе, в Европе, налицо целый мир своеобразного скрещения яфетидов с индо-европейцами. На Кавказе имеется только один такой бесспорный и наглядный тип, это языки Армении. В Европе же оказывается большой клубок вопросов о своеобразном скрещении как на островах и полуостровах, так и на материке. В этот круг лингвистических типов, подвергшихся процессу скрещения, вовлекаются не только романские языки вообще, но и в особой степени кельтский. Еще в 1922 г. этому вопросу о яфетической подоснове на индоевропейской территории Европы были посвящены работы Н Я. Марра: „La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule Etrusques et Pélasges“ и „К вопросу об яфетидизмах в германских языках“ (ЯС, I).

Таким образом, уже к 1923 г. число яфетидологически исследуемых языков увеличилось до такой степени, что яфетидологу, даже

*

и кавказоведу, оказался неизбежным учет всего прорабатываемого яфетидологией материала в пределах гораздо более обширных, чем ограниченная территория Кавказа или басков на Пиренеях. Кавказ уже и раньше не признавался за древнейшее место яфетического поселения. Если же до „Яфетического Кавказа и третьего этнического элемента“ (МЯЯ, XI, 1920—1923 гг.) включительно прослеживалось движение яфетидов, этрусков и пеласгов, с востока на запад, то теперь, с углублением в анализ яфетидизмов в европейских языках, всплыл наружу столь богатый этнонимический и топонимический материал, пережиточно в них сохранившийся от доисторических яфетидов, что применение одной только переселенческой теории для объяснения вопроса о происхождении яфетических и индо-европейских языков оказывалось все более и более шатким. Если громадный район древнего расселения яфетидов по Афревразии не дает уже оснований говорить о распространении яфетидов из ныне ими занимаемых районов Кавказа или Пиренеев и если, по отношению к доисторическим яфетидам, разрешение вопроса приняло более естественное направление, склоняющееся к тому, чтобы видеть в этих двух реликтовых оазисах пережиточно сохранившиеся клочки доисторического населения

Европы, получившего в других местах иное оформление, внешне выразившееся в появлении индо-европейских языков на место яфетических, то, с другой стороны, констатирование такого факта замены яфетидов индо-европейцами неминуемо должно было поставить вопрос о причинах и существе такой замены

Яфетидология методологически уже отказалась в это время от переселенческого фактора как единственного объяснения распространения яфетических народов по Европе. По тем же причинам приходится отказаться от него и при толковании отмеченного факта замены яфетидов другим народом. При обострении генетического вопроса теория переселений не дает никакого ответа, так как переноска с другого места не объясняет самого происхождения народа — носителя определенной языковой системы. Помимо того, выдвинув на первое место в глоттогоническом процессе фактор скрещения и признавая отсутствие цельных, не скрещенных, языковых типов, яфетидология и этим нанесла существенной силы удар построяемому на основании сравнительного метода переселенческому объяснению применительно к доисторическим эпохам. С точки зрения яфетидологии, уже к этому времени сложившейся, доисторические переселения в тех случаях, когда они действительно

имели место, не несли и не могли нести с собою абсолютно неизменчивого готового типа языка. Тип этот складывался в процессе скрещения, и процесс этот продолжался не только в пути движения переселявшегося народа, но и в конечном его пункте. Следовательно, переселение само по себе не разрешало генетического вопроса, являясь лишь одним из поводов к дальнейшему скрещению. В связи с этим отпадает и необходимость поисков прародины тех или иных языковых типов. Скрещение же оказывается столь разнообразным в различных процессах своего оформления, что даже улавливаемые нами уже исторические языки застаются нами в определенный момент их жизни и потому кажутся нам уже окончательно сложившимися, несмотря на то, что и они, в свою очередь, находятся еще в продолжающемся процессе скрещения. При таком положении приходится отказаться и от поисков единого для данной языковой семьи праязыка.

Напрашивающееся всем ходом предыдущих работ решение назревшего теперь вопроса было высказано в том же 1923 г. Не отрицая исторического наличия индо-европейских языков на месте прежнего яфетического слоя, Н. Я. Марр подошел и к этим языкам с применением своего методологического подхода. В докладе, читанном в ноябре того же

года, под заглавием „Индо-европейские языки Средиземноморья“, Н. Я. Марр утверждает, что никакой расово-отличной индо-европейской семьи языков не существует. Индо-европейские языки Средиземноморья никогда и ни откуда не явились. Н. Я. Марр признает, что индо-европейские языки составляют особую семью, но не расовую, а как порождение особой степени, более сложной, скрещения, вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных, повидимому, с открытием металла и широким его использованием в хозяйстве, может быть и в сопутствии с привходящими пермутациями физической среды. Индо-европейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственно-общественных условий, по материалам же и по многим конструктивным частям она представляет собою дальнейшее развитие тех же яфетических языков, но на другой стадии, представляя новую по строю формацию (ДАН, 1924).

Развивая ту же мысль в работе 1924 г. „Термины из абхазо-русских этнических связей. Лошадь и тризна“, Н. Я. Марр, касаясь в частности басков, абхазов и армян, говорит, что каждый из них так неразрывно связан с окружающей его этнографической средой, что если признать факт переселения данного на-

рода, то пришлось бы весь Кавказ с югом России и Передней Азией признать переселившимися на Пиренейский полуостров, или же, обратно, всю эту западную часть Европы признать переселившейся на Кавказ. Таково же положение между северным европейским и южным африканским побережьем Средиземного моря. Отсюда Н. Я. Марр приходит к выводу, что мы имеем дело с явлением иного порядка, чем средневековые переселения. Это не „переселение" готовых этнических образований, племен или народа, а доисторическое „расселение" человеческого рода, в эпохи его племенного формирования или этногонии, по всему Средиземноморью. Поэтому в суждениях о племенных взаимоотношениях тех времен не применимы наши представления о различии Востока и Запада или о различных странах света,— Европы, Азии и Африки, тогда это — единая еще по племенному составу или состоянию населения Афревразия. Все это широко распространенное яфетическое наследие имеет корни в доисторической расселенности не одного сложившегося уже какого-либо народа, а многочисленных племен различных этнических образований, независимо от возникших впоследствии исторических народов и культур в каждом из разобщенных территориально гнезд. Такое яфетическое наследие

корнями уходит в этнический фонд, существовавший раньше образования семитической семьи языков и, конечно, раньше завершения особенно мощного процесса индо-европеизации, то есть, процесса трансформации яфетических языков в индо-европейские.[1]

Теперь, в новом освещении глоттогонического процесса с делением языковых типов по стадиальным различиям с их преемственной межстадиальной связью, то-есть с прослеживанием переходов из одной стадии в другую,

---

[1] См. также „Из яфетических пережитков в русском языке: I Мячъ, II Племя, III Красный", ДАН, 1924; „Яфетические переживания в классических языках и «вера» в семантическом кругу «неба», ДАН, 1924; „Первый средиземноморский дом и его яфетические названия, у греков μέγαρον и у римлян atrium", ИАН, 1924; „К толкованию имени Гомер", ДАН, 1924; „Название этрусского бога смерти Kalu и термины «писать», «петь», «чорт», поэт-слепец»", ИАН, 1924; „К этрусцизму индо-европейского термина «дочь»", ДАН, 1925; „Иберо-этрусско-италская скрещенная племенная среда образования индо-европейских языков", ДАН, 1925; „Сухум и Туапсе (кимерский и скифский вклады в топонимику Черноморского побережья", ИАИМК, IV, 1925; „Ольвия и Альба Лонга", ИАН, 1925; „Hayma «брат» и «кровь»", Сбор. в честь С. А. Жебелева, Лен. 1926; „Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике", Чебоксары, 1926; „Иштарь (от богини матриархальной Афревразии до героини любви феодальной Европы)", ЯС, V, 1927.

например, из стадии яфетического оформления в стадию индо-европейского, могут быть осознаны типы языковой речи, застигнутые в переходный межстадиальный период. Поэтому такие языки, как отмеченные выше два языка Армении, кейский и рейский, выявляющие яфетидо-индо-европейское сочетание, допускают объяснение своей обособленной для Закавказья структуры как своеобразным, в отличие от соседящих яфетических, скрещением с налегающим слоем языков, уже достигших индо-европейской формации, так и внутренней своей собственной трансформацией из одного строя речи, яфетического, в другой, индоевропейский, в каковом процессе перехода из стадии в следующую мы и застаем означенные армянские языки. Это, казалось бы, подтверждалось и отмеченным выше фактом разложения цельности структуры в клинописном языке доармянского Вана, халдском, наблюденным уже несколькими столетиями раньше исторически фиксируемого внедрения индоевропейцев в Малую Азию и южное Закавказье. Поэтому понятным является и отказ Н. Я. Марра в работе 1925 г. „Основные достижения яфетической теории“ от своего определения языков албанского и армянского, как гибридизированных яфетидо-индо-европейских, и признание их находящимися на пере-

ходной ступени от яфетических к новому индоевропейскому типу.

Процесс такой трансформации не везде проходит одновременно, и в результате обнаруживаются запоздавшие языковые типы, реликтово сохраняющиеся в прежней стадии и оказывающиеся в окружении языков, уже перешедших из предыдущей стадии в последующую. Таковы яфетические языки Кавказа, баскский на Пиренеях и вершикский на Памире. Скрещение языков, как мы знаем, наблюдается и в пределах одной стадии, например, яфетических с яфетическими же; возможно оно и между языками уже разошедшимися по своему стадиальному состоянию, как, например, яфетическими и индо-европейскими. Следовательно, соседящие языки разного стадиального состояния могут, в свою очередь, входить в соприкосновение и дать впоследствии новое скрещенное образование, причем, естественно, что более к этому восприимчивыми окажутся языки, уже нарушенные в своей стадиальной цельности, то есть дошедшие до переходного периода, иначе говоря, характеризуемые состоянием внутреннего разложения, каким является халдский, предшествовавший на той же территории языкам Армении. Менее восприимчивыми оказываются языки, не дошедшие еще до такого нарушенного состоя-

ния внутри их и потому сохранившиеся по настоящий день хотя бы в относительной цельности своей еще яфетической структуры.[1]

С армянами, — говорит Н. Я. Марр, — мы продвигаемся к району скифского населения. Анализ термина „скиф“ вскрывает, что армянские земли обитались когда-то скифами, и одно племя, носящее известное скифское имя „сак“ (zoк), сплошь заселяло один из армянских районов. Вопрос о скифо-армянских параллелях привел Н. Я. Марра в работе 1924 г. „Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении“ (ИАИМК, III) к прослеживанию яфетидизмов и в русском языке, причем выяснилось, что и сами названия славян sklav и slav, через форму skul-ab, восходят к скифской основе skul или skol. Прослеживанию яфетидизмов в русском посвящена и работа Н. Я. Марра 1925 г. „По поводу русского слова „сало“ в древне-армянском описании хазарской трапезы VII в.“ (ТРКФ, I). Развивая и уточняя ту же мысль в „Скифском языке“ 1926 г. (ПЭР), Н. Я. Марр расширяет делавшиеся сопоставления установлением общей почвы у скифов с ванскими халдами. В одной из других работ того же вре-

---

[1] См. „Основные достижения яфетической теории“, Ростов н/Д., 1925.

мени „Филистимляне, палестинские пеласги и расены или этруски“ (ЕМ, I, 1925 г.), Н. Я. Марр подробнее останавливается на этнонимических и топонимических терминах, настаивая на необходимости считаться с фонетическими особенностями яфетических языков во всей полноте и учитывать их в анализе более сложных языковых новообразований, где эти переживания приходится искать не только в неразъясненных элементах, но и в разъясненных индо-европеистически или семитически. В особенности, — говорит Н. Я. Марр, — приходится это учитывать в топонимике и в племенной номенклатуре, так как, по мере углубления работы над ней, все более и более выясняется, что эта часть языкового творчества во всей Евразии, а может быть и во всей Афревразии, была выполнена полностью яфетидами. И кто бы за ними ни следовал, семиты ли или индоевропейцы, они восприняли яфетические племенные названия (напр., филистимляне, иберы-евреи и пр.) вместе со всей доисторической топонимикой. Н. Я. Марр утверждает, что доисторической индо-европейской топонимики в Евразии нет.

Языки Африки, Азии и Европы, то есть хомитические, семитические и индо-европейские, оказались ответвлениями общего ствола языковой речи вообще вместе с яфетическими языками,

но лишь на различных ступенях развития речи или в различных оформлениях процессов скрещения, причем яфетические языки выявляются как древнейшие из них. При новом подходе, с уничтожением устанавливавшихся наукой ограничительных рамок, открылась перспектива на состояние языков в их различных доисторических типах, вплоть до эпох, когда еще не было звукового языка человечества, до эпохи линейной ручной речи. Получилась возможность изучать исторические языки, индо-европейские, семитические и др., подходя к ним от предшествующих, изначальных эпох, и этим зародилась наука о происхождении и древностях языка, так называемая палеонтология речи, и стали вырабатываться ее особые методы, легшие в основание ныне действующих положений яфетидологии.

Уже в период углубления палеонтологических работ подошел Н. Я. Марр и к изучению чувашского языка. В своей работе 1926 г. „Чуваши-яфетиды на Волге“ Н. Я. Марр определяет этот язык, уже находящийся в состоянии тюркского уклона, как принадлежащий сибилянтной шипящей группе, то есть той, к которой относятся яфетические языки мегрельский и чанский, а из мертвых, по всей видимости, скифский и шумерский. В чувашском языке отмечаются и общие явления со

свистящей группой, представленные живым грузинским языком, а из мертвых, повидимому, сарматским, и в средние века хазарским. По племенному своему названию чуваши равным образом не отрываются от яфетической среды, так как наименование их является разновидностью термина шумер или ибер. Подтверждая высказанные здесь положения в другой работе того же года „О происхождении языка“, Н. Я. Марр отмечает, что и по своей конструкции чувашский язык, как и баскский на Пиренеях, приближается к шумерскому. Чувашский язык расширил перспективы исследовательских исканий яфетидологии, открыв подступ к тюркским языкам и к тем, которые связаны с турецкой семьей, как-то: к угрофинским, монгольским и т. д. В той же работе отмечается и не раз поднимавшийся в науке вопрос о сродстве дравидических языков с мертвым этрусским и живым баскским и о типологическом сродстве дравидических языков Индии с вершикским на Памире.[1]

---

[1] См. также „Отчет о поездке к восточно-европейским яфетидам“, ИАН, 1925; „Чувашские слова с основой uy в освещении одного из положений яфетической семантики“, ДАН, 1925; „Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий“, ИАН, 1925; „Отчет о лингвистической поездке к вол-камским народам“, прил. к прот. XIII засед. Отд. Ист.

Углубление в палеонтологию выдвинуло особое значение семантики слов, поставив учет ее непременным условием яфетидологических работ. Особое внимание на семантику было обращено еще в „Яфетическом Кавказе и третьем этническом элементе в созидании Средиземноморской культуры“ (1920—23 гг.). С последующим усилением палеонтологии семантика все более и более выдвигается на первый план. Так, уже в 1924 г. в работе „Об яфетической теории“ Н. Я. Марр видит особую силу яфетической теории именно в семантике, то есть, учении о значении слов. Яфетическое языкознание утверждает, что семантика вытекает, как и морфология речи, из общественного строя человечества, из его сложившихся хозяйственно-экономических условий. Между тем, общественный строй человечества различен в различные стадии развития и тем более в доисторические эпохи. Существовала эпоха этнического словотворчества, когда се-

---

Н. и Фил. Ак. Наук, 1926; „Из до-истории Индии и Волкамья по названиям городов“, ВЗ, 1927. Ср. также „Пережиточные взаимоотношения свист. и шип. групп в огласовке мокша и эрзя мордовскаго языка“, ДАН, 1927; „Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков“, Под знаменем марксизма, июнь 1927 г. № 6; „Из двухэлементных абхазских слов (к встречам с чувашским)“, ДАН, 1927; „Булгарский язык“, БСЭ, кн. 8, 1928.

мантические ряды связываются с этническими терминами. Была ей предшествующая эпоха космического словотворчества с ограниченным числом звуковых слов, означавших конкретные космические силы, воспринимаемые в живых образах. Этим ограниченным числом слов выражалось множество постепенно осознававшихся существ, в виду чего, в процессе развития человеческого мышления, происходило выделение из единого общевоспринимаемого образа его частных видов, получающих самостоятельное бытие в сознании человека, например, птицы воспринимались как небо, как его часть, и потому оказалось, что и общие и видовые названия птиц означают собственно небо, небеса и т. д. Яфетическое языкознание сейчас уже требует палеонтологического подхода к семантике и предохраняет от научной несостоятельности нередко делаемых переносов на общественное мышление доисторического человека наших отвлеченных теоретических построений и наших материальных восприятий, часто ничего общего с доисторическим мышлением не имеющих. [1]

---

[1] См. также „«Север» и «мрак» || «левый» от Пиренеев до Моссопотамии", ДАН, 1924; „«Смерть» → «преисподняя» в месопотамско-эгейском мире", ДАН, 1924; „О «небе» как гнезде празначений", ДАН, 1924; „Из семантических дериватов «неба»", ДАН, 1924;„ Прилагательные

Семантике уделяется особое внимание во всех работах Н. Я. Марра последнего времени, а некоторые из них посвящаются исключительно ей, как то: „Quelques termes d'architecture désignant voûte ou arc“ (ЯС, II, 1923 г.), „О полигении семантики «брат» и «кровь»“ (ИАН, 1926 г.) и др. В значительной степени семантика же направила Н. Я. Марра и на изучение дальне-восточных языков, в частности семантики китайского языка (1926 г.). [1]

Разнообразие яфетических языков, богато сохранившихся до наших дней хотя бы на

«длинный» и «короткий» (из доисторической семантики)“, ИАН, 1925, „Разложимость мнимых примитивов, простых слов, и термины для понятия «рыба»“, ИАН, 1926; „О полигении семантики“, ИАН, 1926; „Наума «брат» || «кровь»“. Сборн в честь С. А. Жебелева, 1926; „Происхождение терминов «книга» и «письмо» в освещении яфетической теории“, Книга о книге, 1926, изд. Инст. Книговед. Ленинград; „К палеонтологии речи по грузинской лексике“, ДАН, 1927; „«Зима» || «смерть» (из палеонтологии речи)“, ИАН, 1927; „Ossetica-Japhetica“ II, ИАН, 1927; „Грузинские поправки и дополнения к палеонтологии речи“, ДАН, 1927; „О числительных (к постановке генетического вопроса)“, СЧ, 1927.

[1] „Яфетическая теория и семантика китайского языка“, ДАН, 1926; „Палеонтология речи и китайский язы- «глаза» и «слезы»“, ДАН, 1926; „Китайский язык и палеонтология речи: «дуб» → «хлеб», «рыба» → «вода»“, ДАН, 1926; то же: берская «лошадь» от моря до моря, ДАН, 1926. Подход к дальне-восточным языкам имеется

одном Кавказе, дает уже само по себе достаточно прочную почву для палеонтологических исследований, и именно это разнообразие выдвинуло вопрос о необходимости учета стадиальности состояния речи. Яфетические языки, даже в наличном их виде, не укладываются в какую-либо одну плоскость единого типологического развития. Здесь, — говорит Н. Я. Марр в работе „О происхождении языка“ (ПЭР, 1926 г.), — приходится само сравнение проводить на различных плоскостях различных стадий через агглутинативные к флективным с переходными формами. Только путем сопоставления различных типологических состояний в различных стадиальных плоскостях можно построить сравнительную грамматику в общем охвате языков, и таковая получит в яфетическом языкознании диахронистический характер. Между тем, в различных стадиальных состояниях у яфетической теории окажется не одна, а несколько сравнительных грамматик. При этом диахронистическая сравнительная грам-

---

также в следующих работах: „К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории“, ИАН, 1926; “Новый средне-азиатский язык и его числительные“, ДАН, 1926; „От шумеров и хеттов к палеоазиатам (по енисейско-остяцким материалам)“, ДАН, 1926; „Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи; «пить» ← «вода»“, ДАН, 1927.

матика яфетических языков расширяется родством с ними языков других семей, индо-европейской, семитической, турецкой, угро-финской, монгольской и т. д. Каждая из этих семей является новой типологической формацией, вышедшей из яфетического состояния и создающейся в результате особых условий скрещения оформившегося в данный тип языка в определенном районе.

Отсюда вытекает неизбежность для исследовательской работы учета гео-этнических единиц, а в связи с этим встает задание районирования языков. Таким районом для индоевропейской трасформации признается Н. Я. Марром Средиземноморье, не исключая северной Африки и хеттской Азии. На местах, по их характерным условиям, вырабатывался из доисторического яфетического слоя тот или иной уже конкретный индо-европейский язык: санскрит в Индии, персидский язык в Иране, славянские и германские языки в восточной и северной Европе. В западной Европе этот процесс совершился два раза, первый раз в пределах Апеннинского полуострова, дав классический язык, во второй раз он совершился в более отдаленных материковых частях, где доисторические пережиточные языки оказались в преобладающем количестве, в виду чего получившиеся так называемые новые

романские языки имеют совершенно особый тип, оказавшийся ближе к яфетическим, чем к древним индо-европейским, несмотря на громадное культурно-политическое давление римской государственности.

О гео-этнических единицах в вопросах о районировании языков и культур вообще упоминается во многих работах Н. Я. Марра. Более определенно взгляд его формулирован в „Абхазоведении и абхазы“ (ВС, I, 1926 г.), где вопрос этот затрагивается в тесной связи с новейшими палеонтологическими изысканиями. Попытка ввести в этнографическую науку термин „гео-этническая единица“ объясняется необходимостью учета имеющейся связи населяющего племени с определенной территорией. В этих конкретных случаях районирования культур в их позднейшем, а не первичном, стадиальном состоянии, уже характеризуемом племенными формациями исторических эпох, приходится считаться с многими факторами, излишними для объяснения судеб доисторических слоев, в частности приходится считаться и с внедрением иноплеменного элемента. Для доисторических времен дело исследования строится на другой плоскости. Так, палеонтологическое разъяснение названий населенных пунктов, морей и озер, рек и гор, то-есть всей топонимики, поскольку она оказывается пере-

житочной, архаичной, установило, что племена доисторического населения всей Афревразии были рассеяны одни и те же по всему обширному району средиземноморского окружения и прилегающих к нему районов трех названных старых частей света — Африки, Европы и Азии. Везде одна и та же группа яфетических племен ложится в основу жизни данного района, в основу происходящего в каждом таком районе процесса нарастания нового этнического типа, образования новых видов племен и народов все под теми или иными старыми тождественными названиями или их разновидностями. Поэтому возникает сомнение в полезности исканий особых центров зарождения, так как везде происходило одно и то же. Н. Я. Марр считает бесполезным и ненужным выводить, например, иберов вообще с востока на запад, или с запада на восток, или в обе эти стороны с юга, из Африки. Но совсем другое дело, — говорит он, — когда обсуждается вопрос о населении определенной гео-этнической единицы. Тут перед нами конкретные явления, исторические факты, и тогда, когда не хватает исторических данных, мы основываем свои выводы на языковой палеонтологии и других этнологических фактах. Здесь, в отличие от вопросов о первичном источнике, где переселенческие толкования бесцельны, приходится, наобо-

рот, считаться и с переселением, и с вносимыми им конкретными изменениями содержания гео-этнических районов племенных ландшафтов. Племенной ландшафт есть единица исследования для каждого специалиста по истории человеческой культуры.

Яфетические языки, в результате проведенной Н. Я. Марром лингвистической работы, разрослись своими связями по Европе, Азии и Африке до такой степени, что, как утверждает Н. Я. Марр в своей статье „Происхождение американского человека и яфетическое языкознание" (ВС, I, 1926 г.), мы вынуждены уже подумать не только о связи с синтетическими языками Дальнего Востока, но и о связи с американскими, фонетический состав, морфологическая структура и семантическая типология которых давно отмечались наукой в их сравнении с языками старого света. Яфетидологам ныне приходится,— говорит Н. Я. Марр,—знакомиться с соответственными языками, не исключая и китайского, и поставить вопрос об увязке яфетических языков с природной американской местной речью, а в связи с этим расстаться, наконец, с заколдованным кругом Европы и определенных полос Азии и Африки, чтобы выйти на свободное исследовательское обращение с документами вне перегородок, созданных позднее национальным мышлением.

Соприкоснувшись с американским вопросом, Н. Я. Марр затронул и общие вопросы антропологии, внеся существенные с яфетидологической точки зрения поправки в ее определения. Человеческое племя, — утверждает Н. Я. Марр, — представляет собою не зоологическое, а общественное явление, порожденное процессом скрещения в нуждах хозяйственно-общественных, находящих свое отражение, конечно, и в мировоззрении, прежде всего в культе. Антропология же, без учета этой грани, прямого отношения к проблеме родства или не родства человеческих группировок, племен, не имеет. По словам Н. Я. Марра, наука о животном образе до общественного его очеловечения не есть для нас антропология. Возникновение зоологических типов, когда речь идет о человеке, не требует вовсе единства места происхождения. Естественно, — продолжает Н. Я. Марр, — что антропология, поскольку она докапывается в своих изысканиях до первичных зоологических типов, заходит за эпоху сложения человеческой общественности и быта и тем самым удаляется от вопросов о родственных взаимоотношениях в языке или языках, так как язык есть не естественно-историческое, а социальное создание.

В итоге сделанного просмотра истории развития яфетической теории мы видим, что яфе-

тидология развивается по мере открывания новых горизонтов в связи с привлечением нового материала и углублением палеонтологического метода. Уже в статье 1922 г. „Яфетиды“ Н. Я. Марр имел возможность отметить пять ступеней в развитии самой яфетической теории. Сначала (первая ступень) все исследовательское внимание сосредоточилось на взаимоотношениях яфетических языков с семитическими, причем даже в пределах Кавказа не были использованы такие языки, как абхазский. Вторая ступень обусловлена привлечением к исследованию бесписьменных языков Кавказа, что дало возможность уточнить деление внутри яфетических языков на две ветви: спирантную и сибилянтную со свистящей и шипящей группами. Бесписьменные языки выявили мешаность своего спирантного слоя с сибилянтными группами и выдвинули тем самым теоретический интерес к скрещенным типам речи. Третья ступень углубила изучение клинописных языков, выявивших, что живые, нам современные, кавказские языки, а не древнейшие клинописные, нередко оказывались носителями старейшего типа яфетической речи в лучшей его сохранности. Таким образом установилось, что хронологическая давность языка даже одной и той же системы не свидетельствует еще о нем, как носителе более цельных по архa-

изму языковых форм. Этим в значительной степени был отодвинут на задний план и сам исторический метод исследования. Четвертая ступень начинается привлечением вершикского языка на Памире и определением западных яфетических языков, этрусского и баскского, в связи с чем выявился „третий“ (яфетический) элемент в созидании Средиземноморской культуры, то есть общий яфетический подслой, на который налег „путем вторжения“ индо-европейский элемент. Скрещение его с местным яфетическим выдвигается как принцип прослеживания яфетидизмов в индо-европейской речи, причем само скрещение, независимо от данного случая, признается уже общим фактором языкотворчества. Существование отдельных нескрещенных языков отрицается, но пути передвижения этнических масс с заносом готовых форм еще продолжают учитываться. Пятая ступень обусловлена углублением палеонтологических работ, в связи с чем встает на очередь вопрос о стадиальности речевых оформлений, о их переходах в процессе скрещения из одной стадии в другую. Индо-европейские языки, равно как и языки других семей, признаются дальнейшей стадией развития яфетических, а сама яфетидология обращается в общее учение об языке. Палеонтологический метод уделяет особое значение семантике, а из нового мате-

риала привлекаются к исследованию языки чувашский, китайский и берберский в Афр
Яфетидология, продолжая оставаться лингвистическим учением, выдвигает уже свой метод исследования не для одних только языков, но и для других областей проявления человеческой культуры.

В той же работе „Яфетиды" (В, 1922 г.) указывается на то, что с применением палеонтологии возникает сомнение, можно ли относить в яфетидологию открывающиеся перспективы изысканий в области глоттогонии вообще, так как процесс созидания речи и ее типологических перерождений протекал, очевидно, до выделения яфетидов в особую семью, а потому, казалось бы, что человеческий род в дояфетическом состоянии требует иного наименования. Это положение остается в силе, так как „яфетическое языкознание" и „изучение яфетических языков", действительно, оказываются терминами разного содержания по различному объему обхвата. Первое есть общее учение о языке, тогда как второе изучает лишь „семью" языков, яфетическую. Но, яфетические языки наиболее осязуемо сохранили материалы изжитых этапов развития человеческой речи, и по-

[1] По африканским языкам, см. „Готтентоты-средиземноморцы", ИАН, 1927.

тому именно по ним легче проводится палеонтологическая проработка общего яфетического языкознания.

Сравнение яфетических языков между собою и с другими оформившимися „семьями“ вскрывает невероятную глубину времен зарождения человеческой речи, и глубина эта освещается не последовательностью звуковых перерождений, а непрерывной цепью пройденных этапов типологических переоформлений, причем рядом с чисто языковым, фонетическим и морфологическим, перерождением приходится учитывать соответственное естественно-историческое развитие общественности и перерождения социальных типов бытия, прослеживая их на языковых фактах, особенно в морфологии и семантике, в глубь времен, за пределы семьи в обычном родовом восприятии, через матриархат к тотемическому строю и далее. Высказывая такую мысль в той же работе „Яфетиды“, Н. Я. Марр утверждает, что дело не только в том, что в порядке последовательного развития одного типа из другого языки флективные, агглутинативные и синтетические или аморфные образуют непрерывную хронологическую цепь в пределах одной и той же семьи яфетических языков, но главным образом в том, что явления языка закономерно отражают общественность с ее психикой раз-

личных эпох. Таким образом, язык определяется как создание общественности. Такое основное положение яфетидологии Н. Я. Марр оговаривает в работе „О происхождении языка“ (1926 г. ПЭР) необходимостью считаться и с физиологическими предпосылками, так как звуковая речь связана с физиологией не только в способе произношения, то есть в фонетике, но еще более в системе управления орудием производства речи — языком. Звуковая речь связана и в реагировании на окружающий мир, сначала внешний, затем и собственный (внутренний), в том или ином их восприятии, суммирующем результаты пережитых реальных и переживаемых или пережитых условных рефлексов, то есть восприятий так называемой психики.

Но созданием общественности является не один лишь язык, и потому не к одному только языку применим построенный на учете общественного фактора яфетидологический метод. Указания на необходимость параллельного изучения и памятников материальной культуры имеются во многих трудах Н. Я. Марра. Значительное внимание им уделяется, например, в работе „Кавказ и памятники духовной культуры“ (ИАН, 1912 г.), „Кавказский культурный мир и Армения“ (ЖМНП, 1915 г.) и в ряде других старых работ основателя яфетической шко-

лы. В особенности же усиливаются подобные указания в работах, выдвигающих на первый план палеонтологический подход. Так, уже в статье „К вопросу о происхождении племенных названий этруски и пеласги“ (ЗВО, XXV, 1922 г.) вполне определенно высказывается мысль, что для реальной культурно-исторической поддержки наших лингвистических палеонтологических изысканий необходимо во многих случаях, в особенности по вопросам этнической терминологии, свидетельство памятников материальной культуры, причем оговаривается, что свидетельства исторической и тем более прото-исторической материальной культуры должны быть установлены независимо. В другой работе, уже последующих годов, „О происхождении языка“ (1926 г.) отмечается связь вопросов генезиса и развития речи с такими же вопросами по праву, по искусству и литературе, по зарождению художественных форм и прежде всего изобразительного искусства и сюжетов, не исключая сюжетов литературных, мифологических и религиозных.

Вполне естественно, что, помимо общего вопроса о возможно полном прослеживании проявления культуры в различных ее областях, в языке, творчестве на вещах, мифотворчестве и т. д., интерес к совместной увязке этих областей особенно обостряется, когда нам пред-

ставляется случай на конкретных явлениях проводить определенное задание по связыванию пока разъединенных еще научных дисциплин. Так, например, с отнесением первоначального расселения яфетидов по Средиземноморью к эпохе распространения ориньякского человека особое внимание должно обратиться и на археологические, вещевые, памятники Ориньяка и последующих периодов, позволяя в них улавливать элементы яфетической культуры. Многие положения, выдвинутые яфетидологией на основании данных, выявляемых лингвистическим материалом, становятся обязательными и для археолога-вещеведа, например, скрещение, без которого нет никакого языка, но и нет вообще никакой культуры, что и высказывается вполне определенно Н. Я. Марром в „Основных достижениях яфетической теории“ (1925 г.).

Не углубляя вопроса о применении к археологии методологического подхода, выработанного в результате длительных яфетидологических работ, каковой вопрос для яфетидолога вовсе сейчас и не ставится, как уже окончательно решенный, следует отметить и то, что уже теперь археолог и историк искусства сможет использовать многие конкретные указания при анализе им конкретных памятников вещевой культуры. Сошлемся хотя бы на богатый

материал, собранный в связи с именем богини Иштар (ЯС, V, 1927 г.) и ее различными проявлениями в раздвоившемся небе и его дериватах; материал, могущий быть использованным при толковании вещевых памятников, в особенности с культовым на них отражением. Помощь лингвистики в подобной работе естественна хотя бы потому, что языковый материал уходит глубже, чем творчество человека на вещах. Так, например, археолог, в частности C. Schuchhardt, прослеживает разного вида жилые постройки, храмы и погребения, не углубляясь за грани исторических источников, пополняемых добытым раскопками материалом, тогда как язык, как указывает Н. Я. Марр в работе „Об яфетической теории“ (НВ, V, 1924 г.), уходит в своих изысканиях за эти позднейшие формы строительства из камня, глины и дерева и вскрывает генезис понятия и вместе с ним происхождение самого слова дом, заходя в эпохи, когда вовсе не было ни каменных, ни глиняных, ни деревянных построек, и когда человек видел в доме не формы, а назначение, защиту, покров, небо. Увязке языкознания с историей материальной культуры посвящены и отдельные работы Н. Я. Марра, как то: „Quelques termes d'architecture désignant «voûte» ou «arc»“ (ЯС, II, 1923 г.), „Из переживаний доисторического населения Европы“

(1925 г.), „Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории“ (1926 г.) „Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры“ (САИМК, I, 1926 г.). [1]

Яркие примеры необходимости применения яфетидологического метода исследования к мифам и даже цельным сложившимся эпическим произведениям дают также многие места работ Н. Я. Марра. Особенно показательны в этом отношении выводы, построенные на анализе романа Тристан и Изольда. Н. Я. Марр устанавливает яфетическую природу самого романа, сравниваемого не только с персидским Виса и Рамин, но и с сохраненным Моисеем Хоренским обрывком армянского эпоса о Сартенике. В отчете по поездке к европейским яфетидам (ЯС, III, 1925 г.) Н. Я. Марр определенно отмечает, что лишь благодаря яфетидологическому анализу вскрылось, что Тристан и Изольда представляют собою вовсе не одиночное явление, взошедшее на одном только западе. Роман имеет свои генетические сродные параллели и на востоке в Иране, и на Кавказе, и в эгейском отрезке Средиземноморья. Наметилось, что все они в совокупности,

[1] См. также „Госуд. Акад. Истории Материальной Культуры“, НР. № 2, 1927 и ПР № 7, 1927.

и каждый в отдельности, вместе с Илиадой и Шах-наме принадлежат творчеству одного и того же мира до-индо-европейского яфетического населения соответственных районов старого света. Более того, наметилось также, какое из семи или пяти яфетических племен было последним передатчиком этой поразительной мировой поэмы любви позднейшим поколениям человечества. Это были галлы или кельты, они же колтаны или колхи, они же сколоты или скифы, одинаково как на западе, так и на востоке. Никто ни у кого, ни запад у востока, ни восток у запада не брал в этом культурном творчестве ничего. Все бралось в каждом районе из своих недр, из своих этнических залежей общего субстрата всего населения Европы и Передней Азии. И именно здесь, в этих интереснейших по выводу заключениях с таким отчетливым проведением яфетидологического метода, Н. Я. Марр отмечает, что, лишь получив опору в памятниках материальной культуры и в литературных произведениях, он почувствовал больше уверенности в своих палеонтологических изысканиях по генезису речи и образованию различных ее видов.

В работе 1924 г. „Об яфетической теории“ (ПЭР) Н. Я. Марр формулировал свои положения в следующих словах: с яфетическим языкознанием и его теорией мы сосредоточиваемся

не на одной только речевой стороне человеческой культуры. Вопрос идет не об одном лишь языке, но и о вещах, объективно существующих в природе или существовавших в ней же по представлению человека. У доисторического человека осознание вытекало не из точных, исторически впоследствии приобретенных знаний материальной сущности предмета. У доисторического человека осознание возникало и двигалось вперед от восприятия природным инстинктом видимости предмета видимости соотношений предметов. Он воспринимал силой воображения и воспринимал в образах раньше, чем в отвлеченных самостоятельно выкристаллизовавшихся понятиях. Доисторический язык — это лишь особое доисторическое общественное мышление, это — доисторические верования и эпос, до-историческое художественное творчество, доисторические формы хозяйственной жизни и продукции. Следовательно, языкознание вскрывает нам своей палеонтологией доисторическое состояние человеческой речи до той стадии развития, когда слово и вещь взаимно покрывают друг друга в общественном мышлении, когда шло буквально мифотворчество, то-есть творчество со словом и сказания в образах, мифах. Такое языкознание есть не только этнология, но и важнейшая часть археологии как науки

*

о началах. Причем палеонтология речи уводит нас далеко за пределы времени, вскрываемые рукотворными памятниками материальной культуры. Человек уже мыслил, находясь еще в стадном обществе на грани с общественностью животных, не творя еще вещей, а лишь используя дары природы в готовых формах. Человек еще и тогда обладал „словом“ хотя бы и в виде зачатков звуковой речи.

В работе 1927 г. „Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении“ (К, IV) Н. Я. Марр затрагивает ряд основных вопросов уже в новейшем палеонтологическом их освещении. Он резюмирует свои предыдущие выводы утверждением, что родство языков вытекает не из родства крови и не из происхождения из одного источника, а из объединения в хозяйственной жизни и общественности. Здесь мы имеем яфетидологическое определение термина „родства“ и всех связанных с ним терминов, как то: „родственные языки“, „родственная культура“ и т. д. Рост и расцвет культуры, — говорится далее в той же работе, — динамика ее и творчество объясняются взрывами накопленных сил в процессе их брожения и диалектическим развитием внутренней работы. И если дальнейший сдвиг сопровождается разрушением форм, перестающих удовлетворять создающемуся новому творческому содер-

жанию, то все же возникновение „небывалых“ раньше форм и перерождение старого до степени „неузнаваемости“ являются только кажущимися для поверхностного наблюдателя, работающего формальным методом. На самом деле, наоборот, устойчивость прогресса человечества объясняется непрерывностью культурной работы в обще-человеческом масштабе с неуклонным сохранением новыми хозяевами положения прежних достижений и бережным сохранением ценностей изжитых культур новыми строителями, везде начинавшими с очистки развалившихся устоев старой жизни. Здесь мы имеем определение понятия развития культуры в ее эволюционном со взрывами движении, резко расходящееся с пока господствующим определением, построенным на узко формально-сравнительном методе, делающем сопоставления без палеонтологического анализа, что в свою очередь неминуемо должно было привести и действительно привело к ошибочному утверждению о появлении „небывалых раньше форм“.

В цитированной выше работе Н. Я. Марр говорит, что в начале не было ни речи, ни общественных форм, как не было ни представления о боге, ни самого термина „бог“. Последующий творческий период зависел не столько от внешних явлений, сколько от вну-

тренней работы накопляющихся материальных сил в процессе их развития. В результате своих исследований Н. Я. Марр устанавливает бесплодность всех поисков прародины культуры и указывает на необходимость отказаться от самого термина этнос (племя) в прежнем его понимании, так как никаких изначально-расовых факторов творчества нет. Группировки людей, начиная уже с первичных форм общественности, идут не по крови, а по хозяйственной потребности. В начале не было одного отца и не могло быть самого понятия родства. Термины родства и семьи оказываются позднейшим явлением, причем еще в первых племенных ячейках группировка идет по социальному положению в связи с производством и с основными формами хозяйственной жизни, а не по родству крови или по каким-либо физическим признакам. Оформившиеся многим позднее племенные образования представляют собою уже сложный продукт развитой культуры, причем и тут понятие о чистоте племени и нации, представляемых как не смешанные по крови, есть идеалистическая фикция.

Н. Я. Марр, в той же работе, утверждает, что культур изолированных, расовых, так же нет, как нет и расовых по происхождению языков. Нет этнических по генезису культур, нет племенных культур отдельных по происхож-

дению, а есть культура человечества определенных стадий развития, ныне сохраняемых частично отдельными племенами, отставшими в культурном продвижении от других. Сама же культура едина по происхождению, и все ее разновидности представляются ходом единого процесса творчества на различных ступенях его развития. Каждая стадия развития придает свое характерное оформление культуротворчеству и свой характеризующий оттенок в отдельных культурных районах, в так называемых „гео-этнических" единицах уже развитой культурной жизни с племенными образованиями в указанном выше их понимании. Такое оформление улавливается и в языке и в памятниках материальной культуры. Например, личные местоимения и понятие единственного числа связаны с индивидуальным восприятием лица, то есть с явлением позднейшего строя общественной жизни. Личным местоимениям предшествовали притяжательные, указывающие на принадлежность не отдельным лицам, а всему коллективу, причем и эти первые по времени возникновения местоимения вовсе не изначальны, но тесно связаны с осознанием представления о праве собственности.

Сама звуковая речь, — продолжает Н. Я. Марр, — началась не сразу. Ей предшествовал язык жестов и мимики, и от этого ручного, линей-

ного, языка, языка жестов и мимики, звуковая речь унаследовала все свои основные представления. С дальнейшим развитием звуковой речи словотворчество строится не по внешнему виду или материальному составу предмета, а по его функции, то есть по его назначению и роли в определенных стадиях общественной и хозяйственной жизни. Так, например, олень, собака, лошадь и т. д. передают друг другу одно и то же название в связи с выполняемой ими функцией передвижения, отражая в себе смену одного типа хозяйства другим. Таким образом, выдвигается на первый план функциональная значимость слова, она же семантика, а с переходом той же функции, того же назначения с предмета на предмет, устанавливаются семантические ряды. Эти семантические ряды идут, с одной стороны, из эпохи в эпоху, из стадии в стадию, нижним своим концом погружаясь в первичную стадию еще не расчлененного, диффузного состояния, с другой стороны, оформляются в пределах стадий или ближайших стадий развития культур в связи с меняющимся общественным или хозяйственным назначением предмета или с переходом этого назначения с одного предмета на другой.

Общественная жизнь с ее меняющимися формами придает каждой стадии свой особый отпечаток, и лишь с учетом общественно-эко-

номических условий мы можем определить, например, что стадия космического восприятия есть уже позднейшая стадия, предшествующая началам великих исторических эпох, когда мировоззрение человечества, в зависимости от кочевой постушеской жизни, оторвалось от земли и стало развиваться в связи с познанием неба, его светил и птиц, и с ними связало всю свою сущность. Поэтому во всех названиях языческих богов мы улавливаем термин, означающий „небо“ и „птицу“, которая еще позднее воспринимается человечеством как „душа“. Поэтому же и месопотамская Иштар связана с птицей и т. д.

Языкознание, при новом к нему яфетидологическом подходе, уже дает основания приблизиться к разрешению общего глоттогонического вопроса. К этому вопросу Н. Я. Марр приступает постепенно по мере накопления материала в палеонтологическом его освещении. В данном случае, как и во всех других, мы не наблюдаем неожиданных самопроизвольно зародившихся утверждений без какой-либо последовательской связи с предыдущими. Напротив, знакомство со всем ходом работ яфетидологии явно показывает процесс творческой научной работы, сначала отмечающей выявляемые материалом положения, потом углубляющей эти положения на самом материале и, на-

конец, оформляющей их в определенных выводах. Так обстоит дело и с самим палеонтологическим подходом. Зачатки его мы прослеживаем даже в работах, строившихся в своей основе на том формально-сравнительном методе, от которого столь решительно отказался основатель и руководитель школы в последние годы.

Еще в таких пережитых работах, как „Третий этнический элемент в созидании Средиземноморской культуры“ (1920 г.), указывается на необходимость применения в будущем палеонтологического анализа, и анализ этот начинает там же применяться, выдвинув свои основные положения скрещения и семантики и отметив крайнюю ограниченность числа первых звуковых комплексов яфетического словаря. В следующем 1922 г. состав первых произносимых слов, равным образом, признается скудным, но уже определяется как вклад тотемно-организованной племенной жизни. В работе „Яфетиды“, этого же года, зачатки палеонтологического метода обострились настолько, что уже предсказывается коренная перестройка и чувствуется ее приближение, отмеченное пока лишь утверждением, что при впервые открывающихся перспективах действительной палеонтологии человеческой речи это учение требует расчистки почвы для нового прочного строи-

тельства, причем указывается, что не одному только языкознанию придется испытать все неудобства неизбежного коренного переустройства. В конце 1923 г. наметившийся ранее вопрос о стадиальности, наличный хотя бы в слабых очертаниях еще и в „Третьем этническом элементе", оказался примененным к индоевропейским языкам, а в 1924 г. и к другим языковым семьям, объединившим все словотворчество в единый глоттогонический процесс. Язык признается таким же созданием человека, как и все прочие части, входящие в состав культуры. Отмечается стойкость языка в сохранении архаизмов, переходящих из стадии в стадию и приведших к тому, что язык, отнюдь не находясь в стабильном состоянии, оказался отражающим в себе все этапы творчества и эволюции в развитии человечества.

Начиная с древнейшей стадии, мы доходим в ней до состояния еще бессловесного человека, общавшегося с помощью жестов и мимики. Но и ручной язык уже требует регулирующего мозгового аппарата и хотя бы примитивной общественности. Эта ручная, линейная, речь, как бы богата она ни была для различных выражений способов общения, все же она не обладала средствами для выражения полноты новых представлений и понятий, возникавших с развивающейся общественностью и хо-

зяйственной стороной жизни. И если она удовлетворяла быту, построенному на естественном хозяйстве с использованием готовых в природе средств питания, борьбы и защиты, то не могла уже удовлетворять другому стадиальному состоянию человечества, перешедшего на производственный труд с помощью искусственно сделанных орудий. Звуковая речь не могла, следовательно, начаться раньше распространения навыка искусственной обработки хотя бы камня. Замена одной системы речи другою произошла не сразу. Само очеловеченье натурального животного звука совершалось независимо от несовершенств ручного способа общения и стояло в связи с коллективным использованием этого звука в процессе игры или работы. Такой используемый человеческим коллективом первичный звуковой комплекс имел магическое значение и был единственным членораздельным словом, впоследствии ставшим названием и тотемом первичного племени примитива. Одного такого звукового комплекса было еще недостаточно для развития звуковой речи вообще. Переход же к членораздельной речи мог последовать лишь в процессе скрещения нескольких племен примитивов в более очеловеченные скрещенные виды племенных образований, связанных общностью хозяйственных интересов. При скрещении племен прими-

тивов получился подбор примитивных звуковых комплексов, доведенных уже до членораздельности. В таком виде представляются первые глоттогонические этапы в работе Н. Я. Марра 1926 г. „О происхождении языка“ (ПЭР).

Анализ словаря, — говорит Н. Я. Марр в указанной работе 1926 г., — устанавливает, что нет слова, которое не восходило бы к племенному названию, совпавшему с звуковым комплексом того или иного племени примитива, служившего у него для выражения всех понятий. Число таких племен примитивов определяется цифрами пять или семь. Эти высказанные в названной работе Н. Я. Марра положения представляют собою сводку, сделанную в 1926 г. над всем проведенным им палеонтологическим анализом, приведшим затем к установлению четырех основных элементов общечеловеческого словотворчества и к установлению тех основных положений, на которых ныне строится яфетидология, и которые в краткой формулировке приводятся мною в следующей главе.

На этих четырех элементах подробно останавливается Н. Я. Марр уже в 1927 г. в цитированном выше труде „Значение и роль изучения нацменьшинств в краеведении“. Палеонтологическая работа, — говорит Н. Я. Марр, — вскрыла, что весь словарный запас человечества возводится к ним, к этим четырем элементам: sal,

ber, ion и гош. Они прослеживаются во всех языках, где бы и когда бы они ни существовали. В дальнейшем развитии речи эти элементы сохраняются, но видоизменяются, образуя основы действующих слов в языках уже более или менее развитых. Кроме закономерных звуковых изменений в языках, уже сформировавшихся по стадиальным этапам развития речи и по внутренним внутри их группировкам, элементы эти выступают в одних языках в чистом одноэлементном виде основ, в других языках они дают основы слов, скрещенных из сочетания двух, трех и более элементов, усекаемых иногда до сохранения в этом скрещении лишь одного гласного или согласного звука. Оказывается, что нет совершенно изолированных языков и, при палеонтологическом подходе, даже китайский язык перестал стоять особняком и связался с языками других систем, в том числе и с индо-европейскими. При таких условиях, дальность расстояния потеряла значение не только в вопросах о происхождении, но и в прослеживании исторических эпох, забытых за их давностью. [1]

[1] См. также „К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова", ВКА, XVI, 1926; „К вопросу о топонимике Крыма (к его постановке)" ИТО, 1927; „О числительных (к постановке генетического вопроса)", СЧ, 1927; „О слоях различных типологических

В области лингвистики есть метод исследования, выросший на ее материалах, и метод этот, яфетический, в общей части яфетидологии представляет собою учение о языке. Не так обстоит пока дело с изучением памятников материальной культуры. Метода в изучении их,— говорит Н. Я. Марр, — пока еще нет, как не было и метода в изучении языков — пока была одна индо-европейская школа с ее формально-сравнительным подходом, пока в новом учении об языке, яфетической теории, рядом со сравнительным методом не возник палеонтологический с увязкой эволюции значений слов с эволюцией хозяйства, общественности и мировоззрений.

эпох в языках прометеидской системы", ИАН, 1927; „Готтентоты-Средиземноморцы", ИАН, 1927; „Яфетическая теория", Баку, 1928.

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ РЕЧИ В ОСВЕЩЕНИИ ЯФЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

(современные положения яфетидологии).

I. НАЛИЧНЫЕ ЯЗЫКИ В ИХ ЯФЕТИДОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.

Подход к яфетическим языкам Кавказа, как к обособленным по своей структуре, выдвинул перед исследователем задание установления характеризующих признаков, которыми языки эти объединяются в одну группу, отличную от других, обычно именуемых термином „семья". Признаки эти указываются в различных работах Н. Я. Марра и в основной своей части используются для внутренней группировки в пределах самих языков яфетического строя. Такая группировка проведена, причем оказалось, что ряд признаков, дающих возможность отнести тот или иной язык к определенной группе среди яфетических, является присущим не одним только языкам, имеющим яфетическую структуру. И если сохранить широко употребляемый в лингвистике термин, то придется сказать, что яфетические языки содержат многие

признаки „родства“ не с одними только семитическими языками.

Оставляя пока в стороне разрешение этого вопроса о „родстве“ или, точнее о связях яфетических языков с другими, исследование направилось на уточнение взаимоотношений в пределах одних только яфетических языков. При этом оказалось возможным лишь до известной степени условно провести точную группировку. Такая условность объясняется тем, что ни один язык не оказался безукоризненно чистым носителем тех характеризующих признаков, по которым проводилось деление. Благодаря этому пришлось учитывать не исключительное наличие, а только преобладающее значение тех или иных признаков в тех или иных языках. Так, например, установив, что яфетические языки делятся на две ветви, сибилянтную и спирантную, пришлось в то же время констатировать наличие спирантных оформлений и в языках сибилянтной группы, а также наоборот. Более того, оказался ряд языков, в которых сибилянтные и спирантные нормы выступают в таком равновесии, что их, эти языки, затруднительно причислить к одной только из названных ветвей. Такая получающаяся картина смешения языковых типов становится особенно наглядною, если хотя бы в кратких словах ознакомиться с самою груп-

пировкою и с теми положениями, которые из нее вытекают.

В проведенной группировке использован фонетический признак. Именно по нему и сделано деление на указанные две ветви, сибилянтную и спирантную. Первая отличается преимущественным оформлением основ словарного запаса на сибилянты, под которыми понимаются звуки „*с*“ и „*ш*“ с их аффрикатами по зубной трехзвучной гамме, глухих, звонких и средней звонкости, а затем и с продвижением аффрикатов в эти простые зубные. Вторая, спирантная, дает взамен этих звуков, в тех же основах, спиранты и заднеязычные простые и аффрикативные звуки. В свою очередь, сибилянтная ветвь распадается на группу, характеризуемую свистящими звуками с их зубными аффрикатами (грузинский), и на группу с шипящими звуками со своими зубными же аффрикатами (мегрельский и чанский).

Отмеченный выше факт отсутствия языков, которые можно было бы признать чистыми представителями той или иной типологической группы, оказался налицо уже и в этой группировке. Так, например, в грузинском, отнесенном к свистящей группе сибилянтной ветви, имеются и основы, идущие по шипящему или спирантному оформлению согласных или гласных. Следовательно, какое-то соприкосновение различно

оформляющихся групп должно быть отмечено как реально существующее явление. Это наблюдение, каковое можно было бы объяснить влиянием языков одной структуры на соседящие языки другой, например, свистящих на шипящие или наоборот, не могло все же удовлетвориться одним только предположением о заимствовании слов между языковыми группами. До некоторой степени препятствием для такого толкования послужило упомянутое выше обнаружение языков, которые не укладываются полностью ни в одну из этих группировок. Таковыми, между прочим, оказались языки сванский и абхазский, относимые постольку же к спирантной, поскольку и к сибилянтной ветвям.

Если сама группировка языков должна при таких условиях обосновываться на преобладающих элементах и, считаясь с ними, выделить эти элементы, как характеризующие данную группу признаки, то в то же время языки, совмещающие в себе признаки двух или более групп, приходится отнести к числу смешанных по своим признакам. Поэтому языки сванский и абхазский отнесены к числу таких смешанных языков, именуемых яфетидологией гибридными или скрещенными.

Наличие таких языков поставило вопрос о языковом скрещении. Но пример сванского и абхазского языков указал лишь на то, что в

них процесс скрещения ясно выявился именно потому, что характеризующий их фонетический признак в равной мере относится и к спирантной и к сибилянтной ветви. Отсюда естественно должен был встать вопрос и о том, в праве ли мы ограничивать устанавливаемое скрещивание только теми случаями, в которых скрестившиеся признаки находятся в равновесии, то есть в более или менее одинаковом количественном соотношении. Вполне естественно, что исследователь не может удовольствоваться такими утверждениями, так как результат скрещения вовсе не всегда ведет к равноправию скрещивающихся признаков. Более чем возможны такие случаи, когда скрещивающиеся признаки одной группы приобретают преобладающее значение перед другими. В таких случаях количественное равновесие оказывается нарушенным. Следовательно, наличие, например, в свистящих языках (грузинском) элементов шипящего и спирантного слоя, хотя бы последние и подавлялись господством норм свистящего оформления, все же не может объясняться одним только заимствованием словарного запаса. Здесь вполне возможно и наличие своеобразного скрещения, в котором именно свистящий элемент резче выступил, чем остальные. Подобное толкование подтвердилось анализом всех других изучаемых яфетических языков, и в результате пришлось

признать, что нескрещенных представителей яфетических языков вообще не имеется.

Констатирование такого факта могло бы выдвинуть процесс скрещения как характеризующий признак яфетических языков. Но изучение языков других систем, не яфетических, устанавливает и в них наличие того же признака. Следовательно, скрещение не характеризует собою только яфетические языки. Оно характеризует все языки. Отсюда яфетидология делает вывод, что не скрещенных типов речи вообще не существует. Более того, и само деление на свистящие и шипящие языки и на спирантные может быть проводимо и в языках других, не яфетических, систем. [1] Таким образом, и это деление не является еще характеризующим для яфетических. В итоге, пока, яфетидология сохраняет из числа фонетических признаков, как характерные для яфетических, обилие аффрикатов и наличие трехстепенности звука (глухой, звонкий и средней звонкости в зубных, губных и задне-язычных) в некоторых языках, например, горских, и четырехстепенности, каковые не обязательны для других языковых систем. Это, действительно, будут

---

[1] См., например, „Пережиточные взаимоотношения свистящей и шипящей групп в огласовке мокша и эрзя мордовского языка", ДАН, 1927.

одни из признаков, характеризующих яфетические языки.[1]

Вполне естественно, что исследование яфетических языков не могло ограничиться одним только распределением их по группам. Потребовалось описание их структур с формальным подходом к действующим в различных яфетических языках грамматическим правилам. Но и тут оказалось, что эти языки столь типологически разнообразны, что составление сводки таких правил представляет значительные затруднения. В особенности увеличиваются эти затруднения при составлении сравнительной грамматики. Аналитическая проработка кавказских яфетических языков выяснила, что в них, при формальном к ним подходе, мы имеем не одну, а несколько систем, с тою впрочем особенностью, что различные системы легко увязываются друг с другом. Но эта внешняя легкость увязки, каковая объясняется присутствием во всех яфетических языках общих характеризующих признаков, их тесно объединяющих, в то же время наталкивается на такое разнообразие других, входящих в эти же языки, признаков, что объединение всех яфетических языков в одну систему с общей для них срав-

---

[1] См. „Об яфетической теории", ПЭР, 198: „Из Пиренейской Гурии", ИКИАИ, V, 1928, 9 и *др.*

нительной грамматикой не представляется возможным, пока не будут разработаны отдельные сравнительные грамматики в пределах самих яфетических языков.

При таком положении оказывается, что в кругу яфетических языков приходится устанавливать целый ряд сравнительных грамматик. Так, по формальной фонетической классификации мы имеем прежде всего сравнительную грамматику сибилянтной ветви яфетических языков по двум группам, свистящей и шипящей. Затем имеем сравнительную грамматику сибилянтной ветви со спирантной. Далее, по формальной же морфологической классификации имеем сравнительную грамматику местоименного строя с группами синтетической и агглутинативной. К тому же, даже при грамматике сибилянтно-спирантных соотношений придется формальный сравнительный метод осложнить особым типологическим положением некоторых спирантных языков в их устанавливаемой связи с сибилянтной ветвью. Такая обособленная связь с сибилянтными языками имеется у гибридного спирантного абхазского, морфологически весьма отдаленного от грузинского, мегрельского и даже от гибридного спирантного сванского, языков почти флективного строя, тогда как абхазский в этом отношении, как утверждает Н. Я. Марр, продолжает оставаться

в значительной степени аморфным и к тому же синтетическим.[1]

Таким образом, на материале яфетических языков мы прослеживаем и аморфность, и агглутинативность, и флективность речи, причем и эти три типологические категории не выступают в их безукоризненной полности, а переплетаются одни с другими. Наличие же их в одной и той же группировке, в яфетических языках, опровергает обычное понимание их как самостоятельных, независимо друг от друга возникших категориях с непроходимыми между ними гранями. Поэтому яфетидология вынуждена, основываясь на материале изучаемых ею языков, отказаться от общепринятого взгляда не только на самостоятельность возникновения этих трех типологий, но и на исключительную принадлежность их той или иной языковой семье. Наоборот, выясняется, что аморфность, агглутинативность и флективность вовсе не представляют собою случайного явления, а оказываются лишь определенным оформлением в пределах той же языковой группировки, как бы ее ни именовать, хотя бы и принятым в лингвистике термином „семья".[2]

---

[1] См. „Яфетическая теория", Баку, 1928, 148-149; „Основные достижения яфетической теории", Ростов н./Дону, 1925, 22—23; „Об яфетической теории", НВ, V, ПЭР, 199.

[2] „Яфетическая теория", Баку, 51-59.

Это наблюдение подтверждается, между прочим, и тем, что совершенно аналогичное явление мы можем проследить и в других языках. Правда, в других языках оно выступает далеко не с такою ясностью, как в яфетических, но все же оно улавливается хотя бы и в отдельных оттенках речи. Так, например, флективные языки сохранили в себе многие черты агглутинации, а индо-европейские языки не свободны даже от признаков синтетического строя. Пережитки этого строя проявляются в постановке прилагательного на определенное место в предложении, при том на различное в различных индо-европейских языках [1], затем, в помещении глагола-сказуемого на определенное же место (в конце фразы в немецком) и т. д.

Пример индо-европейских и других языков не менее нагляден, чем пример, даваемый яфетическими. Если, судя по последним, аморфность, агглутинативность и флективность проявляются в одной и той же группировке языков, то в структуре индо-европейских языков, семитических и других мы видим то же самое объединение, но в совершенно ином разрезе. Другими словами, в этих языках агглутинативность и аморфность выступают как пережиток, еще не вытесненный окончательно господствующими

[1] „Яфетическая теория“ 133 сл.

нормами флективного строя. Отсюда следует, что индо-европейские и другие флективные языки когда-то переживали агглутинативный и аморфно-синтетический строй, отголоски которых сохранились еще и в ныне действующем их оформлении. Если это так, то приходится признать, что и индо-европейские и семитические языки именуются таковыми в их уже флективном состоянии, но что таковое для них вовсе не изначально. Таким образом, сохраняя наименование „индо-европейские", „семитические" и т. д. для языков в их актуальном виде, придется дать какое-либо иное наименование для их же предшествующего состояния.

При таком положении неизбежен отказ от изолированного изучения языков. Сходные признаки имеются во всех языках, и они отличаются между собою только различием сумм характеризующих признаков (координатов). При этом, сами признаки изменчивы, они перерождаются или сменяются другими, в результате чего изменяется и сам язык. В прослеживании жизни этих признаков прослеживается и жизнь самого языка, причем, в связи с изменением признаков-координатов, одна языковая структура переходит в другую, вследствие чего приходится признать, что то, что обычно называется семьей языков, есть лишь одно из застигнутых исследователем оформлений их.

Следовательно, понимание существующих языков как особого расового порождения, что признавалось одно время лингвистами, не есть действительно правильное их понимание, и для того чтобы понять каждую обособленную группу языков, недостаточно еще сослаться на какую-либо расу, создательницу языка. Исследование должно итти иным путем, требуется уяснение предыдущего состояния данных языков, то есть нужно проследить, из какой предшествующей структуры они вышли; и тут расовый признак отступает на второй план, оказываясь вовсе необязательным признаком при делении языков. Этим самым выдвигается на первую очередь генетический вопрос. При нем действующие объяснения о самостоятельном возникновении языковых семей уже не удовлетворяют яфетидолога, который, начав изыскания над сравнительно ограниченным кругом языков яфетических групп, как на Кавказе, так и вне его пределов, вынужден расширить границы исследования прослеживанием законов развития речи во всем охвате глоттогонического процесса.

Таким образом, яфетидология, в итоге проведенных ею работ, не может разделять господствующего мнения о том, что все дошедшие до нас живые и мертвые языки представляют собою ответвления различных по своему про-

исхождению семей. Более того, яфетидология отрицает самостоятельное возникновение этих семей и потому не соглашается с тем, что они, в силу своей обособленности, поддаются изучению в пределах своего только материала. Такое сужение границ исследования явилось бы осуществимым лишь в том случае, если бы все наличное разнообразие известных нам языков действительно вышло из нескольких самостоятельно зародившихся языковых типов. В таком случае, конечно, можно было бы постигнуть процесс развития, проследив видоизменения, которым подвергся язык-родоначальник. В таком случае достаточно было бы изучить этот пра-язык и установить законы последующих изменений его начальных форм. Но признание реальности таких языков-первоисточников, давших с течением времени богатое потомство в лице дошедших до нас, ныне существующих и исторически известных языков вовсе не является доказанным.[1]

Нам могут сказать, что эти пра-языки восстанавливаются теоретическим путем, и восстанавливаются именно потому, что не одна только яфетидология настаивает на необходимости построения генетических проблем. Действительно,

---

[1] См., например, „О происхождении языка", ПЭР, 305 и др.

пра-языки устанавливаются главным образом потому, что лингвисты должны были поставить вопрос о происхождении тех объединяемых родственными признаками группировок, которым присвоено имя семьи. Этот вопрос был поставлен лингвистами, но он привел только к пра-языкам с теоретически восстанавливаемыми праформами слов уже развитого типа. В итоге оказалось, что генетический подход остановился на выработке первооснов, причем эти первоосновы все же выступают в таком количестве и в таком уже сложном виде, что если признать пра-язык не гипотезой, а фактом, то по отношению к нему самому снова встает тот же вопрос: как произошел сам этот пра-язык.

Не будем отрицать того, что и такой вопрос ставился, но разрешался он, с нашей точки зрения, совершенно неприемлемо. Так, между прочим, до сего дня включительно мы нередко слышим утверждения, что те или иные языки Европы принесены сюда переселившимися народами с юга или востока. Примем даже и такое в высшей степени гипотетическое объяснение, но разве это есть объяснение генетического вопроса? Приход населения со сложившимся готовым типом речи поясняет появление его в данном месте, но вовсе не дает ответа на вопрос о его происхождении в том

другом месте, откуда передвинулась народная масса. Между тем, именно разрешение этого вопроса и представляется необходимым, так как при его неясности остается непонятным весь процесс создания и развития человеческого словотворчества. К тому же, языкознание и вообще история культуры вовсе не ограничиваются одним только материком Европы, и отсылка отсюда в другие части света сейчас уже не удовлетворяет исследователя. Тем менее удовлетворяет она, когда сам факт прихода выдвигается не столько потому, что он действительно прослеживается как нечто исторически засвидетельствованное, сколько лишь как наиболее удобное объяснение непонятного, как объяснение, замыкающее всю сложность попыток применения генетического подхода.

Подобного рода толкования отнюдь не являются специфической особенностью только языковедов. Тем же путем решительно действуют и историки материальной культуры, преувеличивающие значение эмиграций. Но в то же время ни один лингвист и ни один историк культуры не станут отрицать жизненного процесса в каждой культурной форме. Никто не берется утверждать, что раз появившаяся форма никогда не изменяется. Этот жизненный процесс даже изучается, но изучается он только с определенного момента, с того условного

момента принесения этой формы прикочевавшим народом, в лучшем случае, с пра-языка или пра-культуры. Причем некоторые исследователи не только не задаются вопросом о происхождении этих пра-языков и культур, но и не углубляют поисков тех причин, которыми обусловливается их жизненный процесс. Между тем, установление таких причин помогло бы уточнить исследование, минуя теоретические построения о мнимых пра-культурах, ничего в генетическом разрезе не решающих. В результате, яфетидолог не может удовольствоваться тем методом, которым сейчас работает историк культуры.

Признав преемственность языковых типов, яфетидология приступила к прослеживанию преемственности форм. Между тем, уяснение процесса переходов языковых структур не выступит полностью, если процесс этот будет изучаться в каких-либо условно взятых границах. Поэтому яфетидология ставит в основу своего исследования проработку генетического вопроса во всем его объеме. Останавливаясь, в первую очередь, на материале лингвистическом, яфетическая школа задается целью выяснить весь ход развития речи, а потому, естественно, пришлось поставить и вопрос о ее происхождении. Существенным при этом подходе является установление начального состоя-

ния звуковой речи и даже, шире того, зарождения вообще человеческой речи, потому что таковая могла быть на начальной стадии и не звуковою.

Все эти вопросы могут быть продвинуты по пути своего исследования только на анализе материала. А так как доступный исследованию материал имеется лишь в ныне существующих живых языках и мертвых, дошедших до нас в письменных источниках, то нам приходится прежде всего иметь дело с ними. Но в них мы имеем уже развитые языки, и потому яфетидология вынуждена начинать построение своих выводов с верхних слоев глоттогонического процесса.

Итог проведенных работ с учетом всех указанных выше положений уточнил свой собственный взгляд яфетидологии на процесс развития языка и на место в этом процессе исторически известных языков. Установившийся взгляд может, в кратких словах, формулироваться следующим образом. Яфетидология признает, что дошедшие до нас языки застаются нами в определенном периоде их все продолжающегося постепенного развития и выявляют свои характеризующие признаки. Сумма характеризующих признаков (комплекс координатов) дает возможность провести классификацию между наличными языками с распределением их по

выделяемым системам. Такая классификация проводится всеми лингвистами. Те, которые стоят на почве родства языков, устанавливают сходство признаков у ряда их и объединяют языки под общим понятием языковой семьи. Яфетидология, равным образом, начала работу по тому же пути и выделила яфетическую семью языков, что, впрочем, и не встретило особых возражений. Но именно эти языки, по богатству своего разнообразия, не только потребовали внутренней в своей среде группировки, но и выдвинули ряд признаков, „родящих“ их с другими уже установленными наукой семьями, например, „родство“ грузинского с семитическими. К тому же, и в среде самих яфетических языков оказались представители, резко друг с другом расходящиеся по типологическим признакам. Это привело к необходимости подробнее остановиться на самих характеризующих признаках (координатах), причем и по отношению к ним самим поднят тот же генетический вопрос, так как признаки эти не только не изначально присущи каждой семье, но и сами по себе вовсе не изначальны. Они формируются, развиваются и вырождаются, к тому же, далеко не всегда одновременно.[1]

---

[1] О характеризующих признаках-координатах см. „Яфетическая теория“, Баку, 60 — 61, 132 сл.

Таким образом, сами эти признаки содержат в себе жизненное начало. Следовательно, и каждый язык, ими характеризуемый, может в процессе жизни изменяться в своей структуре, то есть переходить из одного состояния в другое. Такой процесс происходит крайне медленно, но все же имеет место. Поэтому наименование наличных группировок термином „семья“ перестает отвечать содержанию группировки, которая объединяется не родственными „семейными“ связями, не происхождением от праязыка, а лишь сходством комплексов координатов. В связи с этим яфетидология отказалась от термина „семья“, устанавливая для таких группировок, взамен его, другой термин— „система“.

Каждая система вовсе не произвольна в своем возникновении. Она зависит от наличия тех или иных характеризующих признаков, от их взаимного сочетания. Этому сочетанию признаков язык обязан не сам себе, а тем условиям, в которых живет человечество данного времени. Язык существует не сам по себе, а служит для внешнего выражения потребностей человека, поэтому он и видоизменяется сообразно этим потребностям, поэтому же общественное и экономическое состояние отражается во внешней структуре речи. В результате оказывается, что языковые группировки, по яфе-

тической терминологии — системы, генетически связаны друг с другом, представляя отдельные проявления общего течения жизни развивающейся человеческой речи. При этом выяснилось, что яфетические языки оказываются по своей структуре менее развитыми, чем индоевропейские и семитические, но все же приближаются к ним.

Поэтому индо-европейские и семитические языки признаются яфетидологией как последующее развитие яфетических. Это положение окончательно нарушило некогда господствовавшее деление языков на семьи с их расовым в основе признаком.[1]

Определенные периоды жизни человечества сами характеризуются своими признаками, выдвинутыми потребностями общественного строя и обусловленными укладом жизни, насущными житейскими потребностями и определенным типом хозяйства. Такие периоды вырабатывают и свое мировоззрение, отражающее материальные и духовные интересы. Яфетидология присваивает таким крайне длительным периодам наименование стадий. Стадии имеют свои признаки-координаты, характеризуются оформлением этих признаков в различных проявлениях культуротворчества. Происходит приноравлива-

[1] См., например, „О происхождении языка", ПЭР, 330.

ние признаков-координатов друг к другу, наличие одних вызывает развитие других и длительное совместное их существование. Образуется комплекс координатов, обусловливающий наличие стадии. Перемена одного или нескольких признаков влияет на все их сочетание, происходит сотрясение и постепенная новая их перестройка. В результате, одна стадия переходит в другую. Поскольку система речи соответствует стадиальному состоянию человеческих группировок, она сохраняется, в противном случае медленно видоизменяется, приближаясь к потребностям нового стадиального состояния. Поэтому в каждой стадии может оказаться несколько языковых систем, например, индо-европейская и семитическая системы признаются за части одной стадии, тогда как яфетические языки признаются представителями целой стадии и потому делятся в свою очередь на ряд систем. Распределение яфетических языков по различным комплексам признаков уточнит деление систем внутри их.

Основной вопрос дальнейших яфетидологических изысканий заключается в уточнении стадиальных делений, в выяснении их характеризующих признаков. Но одного только стадиального уточнения еще не достаточно, так как при постановке стадиального вопроса и признании стадиальной преемственности становится

неизбежным не только изучение статического состояния каждой стадии, но и уразумение этого состояния, то есть, прослеживание видоизменения форм и в языке и вообще в культуре при переходе форм из одной стадии в другую. Жизнь каждой формы с изучением ее видоизменений при переходе из одного стадиального состояния в другое устанавливается палеонтологическим анализом. В такого рода работе и заключается палеонтологический подход.

Преемственная связь между различными языковыми типами особенно ярко выступает в агглутинативно-флективных языках яфетической стадии. Яфетические языки дают примеры связи не только соседящих по своей структуре типов, но и чресполосных. В одной стадии яфетических языков мы имеем, как уже указывалось выше, наличие трех различных типов: и синтетического, и агглутинативного, и флективного, причем переходное между ними состояние, то есть преемственная их связь, сказывается в яфетических языках настолько ярко, что по этим типам они делятся с оговоркой номенклатуры „почти аморфные“, „почти агглутинативные“ и т. д. Поэтому исследование яфетических языков особенно ценно в диахроническом разрезе, выявляя сплетение одного типа с другим, чем открывается путь как фор-

мальной, так и идеологической палеонтологии речи.[1]

Таким образом, и указанные три типа речи, аморфно - синтетический, агглутинативный и флективный не могут рассматриваться как самостоятельно зародившиеся. Более того, не представляется возможным уловить момента мутационного перехода одного типа в другой. Типы эти переплетаются один с другим, а дошедшие до нас мертвые и живые языки дают примеры как пережиточно сохранившихся особенностей предшествующего типа в уже оформившемся последующем, так и примеры явно переходного состояния, но не дают примеров цельной типологии.

Поставив генетический вопрос, яфетидология углубляет свои исследования прослеживанием видоизменения языковых форм в процессе всей жизни человеческой речи. Часть этого процесса поддается установлению в пределах наличного материала. Но дошедшие до нас языки, хотя бы и древнейшие письменные, представляются уже развитыми, и их, конечно, не приходится считать за находящиеся на начальной ступени глоттогонического процесса. Но, из одного того, что более древних по дате письменных памятников до нас не дошло, еще,

[1] См. „Яфетическая теория", Баку, 68 — 75, 134.

конечно, не следует, что до них вообще не существовало человеческой речи. Кроме того, сама хронологическая их давность отнюдь не свидетельствует еще о подлинном архаизме их по сравнению с другими, менее древними не по своей структуре, а по времени их зафиксирования историей. И так как яфетидология усматривает процесс развития в смене действующих признаков-координатов, а смена эта происходит, как мы знаем, далеко не одновременно во всех языках мира, то древнейшая структура может оказаться в языках со старшей хронологической датой. В частности, в живых говорах могут оказаться, и нередко действительно оказываются, более древние формы, чем в литературных языках, засвидетельствованных дошедшими до нас письменными источниками.[1]

В связи с этим яфетидология не может полностью учитывать и ныне применяемый исторический подход. Яфетидология в то же время не отрицает необходимости такового подхода при изучении языков, но полагает, что он должен строиться на иных началах, чем это делается исторической школой, и в первую очередь не на датировке памятников, а на про-

[1] См. „Чуваши-яфетиды на Волге", Чебоксары, 1926, 7—12; „Абхазоведение и абхазы". В.С., 1926, 136 и др.

слеживании преемственности типов, которая, как мы видели, может и не совпадать с „исторической датой", то-есть с местом данного языкового типа в эпохе, датируемой определенными годами. С признанием необходимости новой постановки исторического подхода яфетидология все внимание переносит на характеристику состояния каждого исследуемого типа и по этому состоянию, следовательно по наличным характеризующим признакам, определяет место каждого сложившегося типа в общем последовательном ходе развития человеческой речи. Это и будет история развития языков, но для этого нужно определение каждого языкового типа в отдельности.

В длительном процессе развития речи неизбежно устанавливаются характерные особенности для каждого типа. Сумма таких характеризующих признаков (координатов) устанавливается для каждого типа в отдельности палеонтологическим анализом общего течения развития человеческого словотворчества и сравнительно-формальным определением типа речи в его статическом состоянии. Так, например, решающими признаками, отводящими языкам аморфно-синтетического типа совершенно определенное хронологическое место в диахроническом разрезе языков всех систем, будут: 1) аморфность, то-есть отсутствие морфологии, 2) мо-

носилабизм (односложность), 3) синтетизм, то-есть определение назначения слова по его месту во фразе, 4) отсутствующая или плохая дифференциация частей речи и 5) полисемантизм, то есть многозначимость слова. [1]

Такое же определение решающих признаков (координатов) необходимо и для всех других типов, причем в каждом из них должно быть отмечено не единство, а множество признаков, определяющих каждый тип и дающих возможность отвести ему строго соответствующее место в цепи преемства. Эта преемственность типов вынуждает учесть и то, что в новом типовом образовании вовсе не обязательно наличие только новых признаков. Новый тип не есть абсолютно новое порождение, наоборот, он связан с предыдущим как образовавшийся из него. Поэтому некоторые признаки предшествующего типа переходят в последующий и сохраняются в нем же как его характеризующие актуальные признаки, а не только как пережиточные. Все эти типы отнюдь не самодовлеющи, они связаны своим развитием с определенными требованиями, предъявляемыми к языку создавшимися в человеческих объединениях потребностями общения, следовательно, единого места их зарождения искать не прихо-

[1] „Яфетическая теория", Баку, 132.

дится. Они могли развиваться повсюду, где создавались необходимые для того условия.

Сосредоточивая все свое внимание на внутренних причинах творческого процесса в развитии речи, мы, при таких условиях, очевидно, не можем искать этих причин в самом языке. Свидетельством самих языковых фактов мы вынуждены прослеживать творческое движение речи вместе с творчеством в истории материальной культуры, вместе со всем обликом творящего человека и его слагавшихся мировоззрений. Процесс развития языка идет параллельно процессу развития человеческой культуры, так как они зависят не сами от себя, а от определенного состояния современного им человечества. [1]

Подходя с этой точки зрения к анализу материала, мы, в итоге работ, видим, что развитие культуры, в том числе и языка, идет постепенно. И если отдельно улавливаемые нами периоды культуры часто кажутся обособленными и самостоятельно появившимися, то такая кажущаяся обособленность объясняется не самими культурами, а нашим к ним формально-сравнительным подходом без постановки генетического вопроса и без палеонтологиче-

[1] См., например, „Из переживаний доисторического населения Европы", Чебоксары, 1926, 3 сл. и другие работы того же и последующих годов.

ского анализа. Стоит только применить их, и рухнут многие построения, ныне воздвигаемые историками культуры, рухнут многие основные положения, на которых зиждется между прочим и археология в том ее освещении, каковое дается по сей день включительно. С точки зрения яфетидологии становится под сомнение не только утверждение о разрыве между некоторыми культурными периодами, но даже и об обособленном расовом происхождении неандертала и кроманьона. Яфетидология призывает к осторожности в таких, пока еще не изжитых окончательно, утверждениях, основанных на малой пока изученности вопросов и на недостатке материала, когда не найденные еще промежуточные звенья признаются за вовсе отсутствующие, чем и объясняется кажущийся перерыв.

При даваемом яфетидологией объяснении процесс формирования уже сложившихся языков тесно связывается с образованием более мощных объединений из обособившихся группировок людей. Такие объединения в длительном процессе своей жизни веками и даже тысячелетиями обостряют свои отличительные особенности, идущие по обособившимся линиям развития под господством определившегося уклона, отличного от других, тоже выделившихся, группировок. Эти периоды племенного, а затем и

более широко понимаемого национального образования, вырабатывают и свои признаки-координаты во всех проявлениях культуро творчества, в том числе и в языке. Получается так называемая племенная речь, а затем и национальные языки.

Сложность изучения даже статического состояния таких обособившихся племенных и национальных языков выступает в виду явной необходимости отказа от возможности полной их изоляции одних от других. Сложившиеся языки соприкасаются друг с другом, иногда налегают одни на других, давая скрещенные новообразования. Частые случаи последних имеем при экономическом и политическом подавлении одного народа другим, когда образующийся господствующий слой оказывается иноплеменным. Это же явление наблюдается как последствие и переселенческих движений, тем более массового передвижения народа с места на место в исторические и забытые историей времена, то-есть во времена племенных и национальных образований, когда соприкасающиеся народы резко разошлись друг с другом в их общем культурном облике.

Число действующих факторов развития языка разнообразно и многочисленно, и, во всяком случае, не ограничивается только указанными случаями. Например, при развитом

хозяйстве приходится считаться и с ролью отдельных профессий в языковом творчестве. Большое значение в жизни языка получает и так называемая функциональная семантика, когда вызванному меняющимися хозяйственными и духовными потребностями новому предмету дается наименование старого, назначение которого он призывается выполнить. [1]

В этих развитых периодах усиливается также и роль заимствования. Яфетидология придает последнему значительно большую силу, чем это обычно делается, признавая, что заимствуются не только слова, но и формы. Последние также заимствуются, причем, при массовом и длительном общении строй речи и вместе с ним мышление, следовательно и морфология, равным образом могут передаваться от одного племенного образования к другому, как и словарь. При таких условиях само сходство, обычно неправильно именуемое родством языков, объясняется тем, что вследствие общения у различных племен в звуковой речи появляются общие черты как в словарной части, то есть идеологической, так и в формальной части, в звуковой и морфологической. Именно здесь,— говорит Н. Я. Марр, — и может возникнуть вопрос о рас-

[1] См., например, „Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории", изд. Кав. Ист. Арх. Инст., 1926; „Яфетическая теория", Баку, 96, и др.

хождении формальной типологии или морфологии данного языка или данной группы языков со словарным составом в зависимости от характера общения народа с народом, в результате чего у одних народов от такого общения меняется внешность, то-есть морфология, но не словарь, тогда как у других перемена заметно сказывается лишь в словаре. Таким образом получается, что один и тот же язык в отношении внешней типологии может сходиться с одной группой языков, а в отношении словаря приближаться к другой. Ясно, что классификация языков должна учесть и эту сторону взаимоотношений. [1]

В самой классификационной работе не приходится еще считаться и с тем, что по характеризующим признакам, может быть, удастся выявить даже те географические районы, в которых вырабатывались они же, эти характеризующие признаки, в связи с создавшимися тут условиями человеческой жизни. Мы знаем, что эти условия зависят от самого человеческого общества и в связи с различием его структуры проявляются в одинаковых сочетаниях далеко не везде. Знаем это хотя бы потому, что большое количество народов не достигло еще тех ступеней развития, на которых уже находятся

[1] „Яфетическая теория", Баку, 63.

другие. Следовательно, темп развития различен, а потому и вопрос о районировании сам по себе уместен. Но такое районирование явится необходимым следствием уже проведенной работы по классификации различных языковых типов и культур вообще, выявится как ее результат и, таким образом, не может произвольно устанавливаться в самом начале работ. [1]

Яфетидология лишь в последнее время подходит к постановке этого вопроса, причем и здесь она считается с тем, что районирование допустимо только по сравнению комплексов координатов, по углубленному анализу органической связи наличных в том или ином комплексе признаков. Следовательно, районирование уместно на уже развитых ступенях культуры и крайне затруднительно на первичных, где признаки и их сочетания менее сложны и потому не обусловливаются узкими рамками территориально обособившихся культурных единиц. Быстрый темп развития в одних местах меняет соотношения признаков, но все же, если с развитием культуры районирование становится допустимым, то и тут приходится считаться не с отдельными признаками, а с суммой их, с определившимся комплексом координатов.

[1] О гео-этнических единицах см., например, „Абхазоведение и абхазы", ВС, 1926, 129 сл.: „Краеведческая работа", НР, I, 1925 и др.

Вопрос крайне осложняется тем, что сама сумма признаков изменчива в вечном процессе развития. Являясь следствием общественной жизни человека, эти признаки частично могут выявляться в различных местах, и только точный анализ их взаимных сочетаний (суммы координатов) может установить самостоятельные районы и выделить другие, в которых окажутся частично те же признаки, но в ином их соединении. Например, район распространения семитических языков, районы сохранившихся представителей яфетической речи и т. д. Но это уже примеры из исторических времен. Гораздо сложнее вопрос для доисторических эпох, сложнее потому, что сходство условий жизни человека отнюдь не устраняет возможности параллельного появления в различных местах даже и близкого по сходству сочетания признаков.[1] Поэтому географически оторванные районы, сравниваемые между собою без постановки генетического вопроса, вовсе не всегда свидетельствуют о необходимом единстве их происхождения из одного культурного очага. С другой стороны, к одной стадии приходится относить и языки, частично расходящиеся по своим признакам, так как характеризующие

[1] См., например, „Термины из абхазо-русских этнических связей (лошадь и тризна)", изд. Нарком. Абхазии, Ленинград 1924, 55 и др.

признаки не могут всегда безукоризненно совпадать во всех языках, даже объединяемых в одну группу. Не смогут совпадать именно потому, что само объединение их проводится нами по ним, этим признакам, а не по единому праязыку, из которого будто бы вышли все другие языки данной системы („семьи“). Эти языки одновременно застигаются нами в пределах языковых систем и стадий с существенным расхождением в некоторых своих признаках, как это наглядно мы видим на примере тех же яфетических языков.

От одного мощного языка может выделиться ряд других. Расколовшиеся племена могут путем переселения занести сходную структуру в различные места. Но это не будет общим правилом, если в основу развития речи ставится непременное наличие скрещения, при котором все сходные по структуре языки не могут быть лишь внутренним порождением одного уже сложившегося языка — первоисточника. К тому же скрещение бывает не только между языками одной системы, но и между языками различных систем. Поэтому не зарождение языка служит основой для его классификации, а то его оформление, в каковом он застается в момент проведения классификации. Поэтому же язык и не находится в непременной связи с антропологически устанавливаемой расой. Если же мы пой-

дем в углубление генетического вопроса, то, действительно, придем к единому языку, но именно к тому единому языку, о котором трактует яфетидология, то-есть к единому процессу человеческого языкотворчества. Но это будет уже вне затрагиваемых здесь попыток стадиального подхода к определенным уже оформившимся системам.

Таким образом, в первую очередь выдвигается не один только вопрос о районировании, но и вопрос о стадиальном делении и о систематизации групп внутри стадий. Только учитывая генетическую их преемственность, может быть, удастся подойти и к действительному разрешению вопроса о районах, то-есть о тех географических границах, в пределах которых замыкаются сходные формы проявления культур, в том числе и языка, в особенности их уже развитых типов. И в этих уже сложных языках продолжается полной мерой процесс скрещения, приводящий в различных местах к различным результатам. Одни языки оказываются отставшими, другие быстрее развивающимися и переходящими в следующую стадию, когда соседящие им, в своем более медленном ходе развития, кажутся как бы застывшими в своем прежнем состоянии. В таком виде, по словам Н. Я. Марра, представляется картина нынешнего размещения яфетических языков,

басков на Пиренеях, кавказских и вершиков на Памире, задержавшихся на яфетической стадии, тогда как окружающие их перешли уже на индо-европейскую систему, в том числе иранскую, и на тюркскую.[1]

Картина эта при существующих исторических группировках племен и народов может быть в деталях своих уточнена и правильнее понята только при подходе к ним со вниманием к выработавшимся у них законам развития, то-есть к тем деталям этого закона, которые характеризуют уже отдельные стадиальныя формации. Путем соединения исследований таких отдельно изучаемых стадий в их преемственной связи мы получим действительную картину постепенного их перехода из одной в другую, то-есть получим диахронический разрез, при котором сравнительный метод переходит в палеонтологический анализ.[2]

Эволюция с ее наглядной последовательностью в развитии отдельных этапов общего культуротворческого процесса дает сплетение одних стадий с другими, поэтому, при условном до известной степени установлении стадиальных отличий по характеризующим их коор-

[1] См., например, „Об яфетической теории", НВ, V, 1924, ПЭР, 197; „Основные достижения яфетической теории", Ростов н./Д., 1925, 22 и др.

[2] Ср. „Яфетическая теория", Баку, 149.

*

динатам, мы получаем так называемые переходные периоды, которые, в свою очередь, имеют затяжной характер. Выделение их явится само собою, так так отдельные запоздавшие свидетели переходного состояния имеются налицо в то время, когда другие языки уже перегруппировали свои признаки, выявляя их в одном сходном сочетании. Повидимому, тут, при этом делении языков на стадии и системы, приходится считаться не только с качеством, но и с количеством группирующихся языков. И если бы таких переходных представителей оказалось больше, то, вероятно, нам пришлось бы их комплекс координатов считать за основной и именно в них видеть стадиальное оформление. Все же намечающееся деление на стадии едва ли произвольно. Повидимому, значение имеет решающая сила каждого стадиального оформления, при котором слагающийся уклад человеческих объединений выдвигает действующий комплекс координатов, к каковому приноравливаются наличные языки, и только менее восприимчивые задерживаются в своем приноровлении и, оторвавшись от одной стадии, не оформили еще своих характеризующих признаков для полного вхождения в другую.[1]

Кроме того, и в жизни самой стадии мы

[1] См., например, „Яфетическая теория", Баку, 154.

видим постоянное, хотя бы медленное движение признаков. К тому же в статическом состоянии стадии учитываются внешние влияния окружающей среды, объясняющие появление своих как бы безродных или самозарождающихся элементов, кажущихся неизвестными по своему происхождению в процессе роста всегда многосложной жизни.

В первые моменты появления таких фактов, которые нарушают видимую гармонию эволюционного развития статики, эти проявившиеся факты признаются исследователями, не учитывающими генетического подхода, за чужеродные элементы. Накопление таких фактов ведет к развитию новых координатов и к ослаблению значения прежних, в результате чего появляется возможность нового сочетания характеризующих признаков, что приводит к констатированию совершившейся смены одной стадии развития другою, то-есть одной эволюционно развивающейся статики другою. И тут тот же исследователь, чуждающийся палеонтологического метода, не в состоянии уловить действительной связи одной стадии с другою и потому совершенно разъединяет отдельные стадии статического состояния и ищет объяснения причин их „самостоятельного зарождения“. Это привело, в частности, и к тому, что упомянутые выше аморфность, агглутинативность и флек-

тивность речи, долгое время считавшиеся за независимо друг от друга возникшие категории с непроходимыми между ними гранями, признаются присущими той или иной языковой стадии. С точки зрения яфетидологии, аморфность, агглутинативность и флективность представляют собою лишь определенные оформления, определенные звенья, неразрывно связанные друг с другом в единой цепи культурного развития человечества.[1]

Обилие разнообразных в процессе творчества моментов требует каждый особого внимания. Яфетическая теория вовсе не чуждается формальных сторон языкового творчества, но имеются и другие стороны, обращающие на себя особое внимание. И во всех этих сторонах наблюдение проводится не только над фактическим положением, как оно обстоит, но и над тем, как получилось такое статическое положение, каковы в нем первичные, наследственно перешедшие из других эпох элементы и какие элементы усвоены или развиты именно данным сложившимся языком в процессе прохождения им его жизненного пути. Каждый такой усвоенный элемент выясняется и палеонтологическим его анализом и исследованием его оформления в данной языковой среде. Наконец,

[1] См., например, „Яфетическая теория", Баку, 129.

учету подлежит не только то, что развивается, но и то, что изживается и отмирает.[1]

Утверждение о стабильности форм при изменчивости словаря не признается Н. Я. Марром, который проводит свои построения с непременным признанием, что в языке нет ничего неизменчивого и что одинаково меняются не только значения, но и формы. Перемены эти выявляются внешне до такой степени, что если отказаться от палеонтологии речи, то вовсе не удастся выяснить существование какой-либо связи между разновидностями одного и того же слова в различные глоттогонические периоды, отвечающие различным, коренным образом расходящимся эпохам человеческой жизни, кажущимся, в свою очередь, совершенно обособленными при подходе к ним в одном только их стабильном состоянии. Таким образом, и для одной лишь полноты картины состояния языка в определенном его периоде приходится считаться со всем его окружением, то-есть со всеми характерными признаками всего культурного облика в целом, выявляющегося в данном стадиальном вырезе, сделанном из общего ствола единого человеческого культуротворчества.[2]

---

[1] „Яфетическая теория", Баку, 129 сл.; „Значение и роль изучения нацменьшинств в краеведении", К, I, 1927, 8, 13 и др.

[2] Ср. „О происхождении языка", ПЭР, 329; „Яфетическая теория", Баку, 59 — 62, 150 и др.

Затруднительность исследовательской работы осложняется еще и тем, что она проводится не отвлеченными теоретическими построениями, а анализом самого дошедшего до нас лингвистического материала. С него начал свои построения и палеонтологический метод, с него же начинает свои выводы и подход к систематизации языков, к выделению систем их. Вся работа общей лингвистики привела к делению языков на семьи, исходя из родства их и не углубляя общего генетического вопроса. Все же сделанная группировка на семьи: индоевропейскую, семитическую, хамитическую и т. д. обоснована на выделении их характеризующих признаков (координатов). И яфетидологии неизбежно приходится пока вести работу в том же порядке, хотя и с подходом к материалу своим выработанным методом исследования, а именно приходится считаться с наличными группировками (семьями) языков. На этих первых шагах своего развития яфетидология устанавливает комплекс признаков по уже имеющемуся делению, и, таким образом, яфетидологически устанавливаемые системы совпали с уже установленными семьями. И в результате оказалось, что яфетидологии приходится ограничиться лишь заменою термина семьи термином система.[1]

[1] См., например, „Яфетическая теория", Баку, 42, 81 — 82, 126 и др.

При таком положении мы не можем поручиться за то, что в дальнейшем группировка координатов по системам приведет к иному их сочетанию, и тогда деление языков по системам, может быть, разойдется с ныне господствующим делением на семьи. Работа в этом направлении углубит не только общий палеонтологический подход, но и подход к стадиальному состоянию систем, для чего приходится учитывать не одну только динамику речи, но и относительную стабильность ее в пределах стадий, и, следовательно, вести работу и в горизонтальном разрезе условно понимаемой статики, то есть состояния речи с определенною суммою координатов, характеризующих ту или иную систему. Тут уже приходится применять и формально-сравнительный метод сличением различных горизонтальных разрезов, но, раз работа ведется не над одним только горизонтальным разрезом, а над несколькими, она является уже палеонтологической. И поскольку язык оказывается лишь одним из проявлений общечеловеческой культуры, оказывается продуктом самого человечества, как общественного объединения с его хозяйственными потребностями и вырабатываемым мировоззрением, придется устанавливать свои координаты и для других проявлений той же культуры с делением ее на стадии и системы во всех доступных изучению ее обла-

стях, в том числе и в памятниках материальной культуры и в мифотворчестве.

Резюмируя сказанное о наличном языковом материале и о том к нему исследовательском подходе, который выдвигается яфетидологией, можно отметить: 1) что все языки оказываются различными оформлениями единого процесса развития человеческой речи, 2) что различные, известные нам, типы речи переживают определенные стадиальные состояния, 3) что эти стадиальные состояния выявляются по своим признакам-координатам, обусловленным определенным состоянием современного им человечества, объединяемого сходными общественными и хозяйственными потребностями и вырабатываемым мировоззрением, то-есть материальным и духовным состоянием человеческого объединения, 4) что сложившиеся языки характеризуются своими комплексами признаков-координатов; по этим суммам признаков языки группируются на системы, 5) что сами характеризующие признаки как стадий, так и систем и отдельных языков вовсе не стабильны; они изменяются, в связи с чем нарушается равновесие комплекса, в результате чего одна стадия переходит в другую, равным образом меняются и системы.

Так как характеризующие признаки изменчивы и так как в основу деления берется не

один какой-либо избранный язык, а сумма этих признаков, то, естественно, что чистого представителя системы мы можем и не найти. Кроме того, при признании отсутствия нескрещенных типов речи приходится признать наличие некоторых признаков в различных системах. При этом такие общие признаки могли оказаться налицо и как результат внутреннего перерождения одного признака в другой, или преемственного сохранения признака предшествующей стадии, или как следствие процесса скрещения. Для определения суммы координатов, то-есть, для характеристики языка в его стабильном состоянии, это, может быть, и не имеет особого значения, но для истории языка, для уяснения картины его формирования важно установить и пути появления каждого признака. В итоге следует признать, что полный ответ на все выдвигаемые яфетидологией вопросы, в этом ее освещении глоттогонического процесса, необычайно сложен.

Сложность эта проявляется в каждом языке. Например, сравнительно-формальный подход констатирует наличие сибилянтных и спирантных норм в языках сванском, абхазском и др., не исключая и грузинского. Палеонтологический подход ставит вопрос о причинах такого смешения, то-есть является ли оно результатом скрещения или же перерождения одного фонетического

признака в другой. Далее, при признании преемственности стадий, такой же вопрос ставится и к межстадиальным языкам, например, армянским, а именно—оказывается ли наблюдающееся в них сочетание яфетических норм с индо-европейскими результатом перерождения первых во вторые, или же скрещения исторически обособившейся яфетической речи с соседящей уже сформировавшейся речью индо-европейцев. Все такие вопросы разрешаются по отношению к каждому языку прослеживанием его истории, то-есть, процесса его развития, следовательно, не только учетом исторических свидетельств, но и палеонтологическим анализом.

II. СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС И ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВА.

Устанавливаемый яфетидологией методологический подход с прослеживанием видоизменений форм в преемственности стадиальных переходов выявляет, как мы видим, ряд наблюдений, впервые ею разрабатываемых. Это касается, в частности, и самого словарного запаса.

Признав преемственность в движении языковых структур, признав движение в характеризующих их признаках, яфетидология идет по пути намечения определенных стадиальных делений, в которых сложившаяся сумма признаков должна отвечать установившемуся строю

общественных объединений, господствующему типу хозяйства и им соответствующим мировоззрениям. Пока сумма признаков находится в равновесии, а следовательно, мировоззрение, общественная и хозяйственная структуры друг другу не противоречат, сохраняется внутреннее развитие стадии. Когда же это равновесие нарушено, то стадия перерождается и с вновь получающим устойчивость новым сочетанием признаков переходит в другую последующую стадию, перенося с собою из предыдущего состояния то, что остается еще жизненным, и сохраняя в виде пережитков многое из того, что отмирает.

Определенным стадиальным оформлениям соответствуют различные проявления культуротворчества, в том числе и язык. Последний, делясь по своим характеризующим признакам на системы, служит необходимым орудием общения, поэтому должен удовлетворять именно тем потребностям общения, каковые выдвигаются каждой стадией. Эти условия различны в каждой стадии, следовательно, и не каждая система речи может удовлетворять всем стадиям. В результате неизбежно приноровление системы к стадии, и при этом приноровлении происходит в системах перегруппировка признаков, то есть и системы переходят из одной в другую.

Таким образом, и в языковых системах мы неизбежно должны прослеживать преемственность форм. Определенная преемственность сказывается не только в морфологии, но и в словарном составе. Этим объясняется и методологический подход как к языковому творчеству в целом, так и к одному из его органических составов, именно к корнеслову.

Подходя к словарному запасу в пределах яфетических языков, исследовательская работа ведется в тех же двух направлениях: в сравнительно-формальном подходе с прослеживанием сходных основ в различных их групповых оформлениях по сибилянтной и спирантной ветвям и в палеонтологическом анализе с выявлением видоизменений основ при их стадиальных переходах. Палеонтологическая разработка языкового материала устанавливает и тут наличие того же закона движения, при котором основы словарного состава каждого языка не произвольны в своем появлении, причем само словесное творчество идет использованием наличного состава слов путем внешнего их различения в оттенках фонем, видоизменением корней и соединением основ в составные и скрещенные слова.

Слова не зарождаются произвольно. Их запас тесно связан с потребностью в них человека, и, конечно, не отдельного индиви-

дуума, а именно человека, нуждающегося в словесной речи для общения с другими, то есть человека — члена коллектива. Чем сложнее этот коллектив, тем сложнее и строй речи. С развитыми потребностями племен и народов словарный состав становится крайне разнообразным. Если бы мы имели опять-таки расовую речь или пра-языки, то палеонтологический разрез в нижней своей грани упирался бы в них, но, с отказом от расовой речи и от праязыка, мы не можем останавливать палеонтологический анализ на одной какой-либо условно избранной грани. Не можем мы останавливать этого анализа и на древнейших дошедших до нас языках, если бы даже эти языки и были бы признаны нами за старейшие по своей структуре. Не можем потому, что процесс словотворчества вовсе не начинается с них, с этих случайно дошедших до нас языков. Поэтому мы неизбежно должны углубиться за пределы дошедших до нас живых и мертвых языков. Исходя в своих исследованиях из стадиальных переходов, мы вынуждены прослеживать не только жизнь слова в каждой стадии, но и пра-историю его и тем самым поставить генетический вопрос, а для разрешения этого вопроса применить палеонтологический подход.

Так как стадии, к определению которых подходит яфетидология, должны характеризо-

ваться своими признаками в соответствии с общественным строем, с типом хозяйства и определенным мировоззрением, причем признаки эти в их взаимном сочетании меняются в следующей стадии, то и словарный запас в каждой стадии должен использоваться со своим определенным оттенком, вернее, прикрепляется в каждой стадии развитого типа к обозначению конкретных понятий и предметов. Благодаря этому, внимание исследователя обращается не на слово само по себе, а на его стадиальную значимость, то есть, на стадиальную семантику. И если в различных стадиях слову придаются различные значения, то все же перемена значений вовсе не случайна. Оно сохраняется, когда полностью сохраняется какое-либо понятие или предмет предыдущей стадии, или же меняется, когда меняются эти понятия или предметы, другими словами, когда роль данного предмета в другой стадии выполняется уже иным предметом. С таким переходом функции переходит и название предмета или понятия с одного на другое. Таким образом, в палеонтологическом разрезе выступает важность именно функциональной семантики.

В аморфно-синтетическом строе нет даже частей речи и глагол от существительного отличается только местом, которое занимает в

предложении одно и то же слово. В иных структурах речи различение переносится уже на оформление самого слова, основа же остается та же. Но такая дифференциация возможна не только между частями речи, но и в одной части речи, когда из старого понятия выделяются новые. Следовательно, целый ряд обозначений понятий и предметов может быть сведен к одному начальному, из которого вышли они в процессе жизни данной стадии и в особенности в процессе перехода из стадии в стадию. Отсюда получается возможность установления целых рядов изменения значений за одною и тою же основой, что и понимается яфетидологией под именем семантических рядов. Такие ряды прослеживаются в горизонтальном стадиальном разрезе и в диахроническом, вертикальном, он же палеонтологический, то есть в изменении значимости (семантики) слова при его переходе из одной стадии в другую. Прослеживание семантических рядов доступно по всем языкам, раз все они являются лишь определенным стадиальным оформлением, но яркость этих рядов в особенности выступает в языках яфетических, в которых близкие фонетические разновидности тех же основ дают целый ряд звеньев одного семантического ряда, к тому же нередко в пределах одного и того же языка. Следовательно, ясность семантических рядов в

наличном словарном запасе является одним из характеризующих признаков языков яфетической стадии.[1]

Прослеживая в то же время преемственность стадий, мы и в семантике слов наличной стадии можем уловить сохранившееся значение предыдущей или семантическое его продвижение, то есть можем уловить пережитки, архаизмы. Эти архаизмы укажут, к какой стадии следует отнести соответствующее семантическое звено. Например, когда мы выясняем связь названий птиц с небом, то этот семантический ряд — небо, птица — доведет нас до стадии космического восприятия, когда по небу назывались связанные с ним предметы и понятия.[2] Когда же мы строим ряды с начальным пунктом, сокрытым в понятии руки, то семантический ряд свяжет наличные в нашей стадии пережитки со стадией, в которой особую значимость в жизни человеческого коллектива имела рука, и т. д.[3] Впрочем, с другой стороны, и понятие неба вовсе не изначально, поэтому оно становится во главу семантического ряда только

---

[1] См. работы по семантическим рядам, цитированные на стр. 65 сл.

[2] См., например, „Значение и роль изучения нацменьшинств в краеведении". К, 1927, 10; „О происхождении языка", ПЭР, 335 и др.

[3] См. „Яфетическая теория", Баку, 89 — 98.

с определенной стадии, когда именно оно получило свое самостоятельное осмысление. Но когда оно получило осознание в человеческом мышлении, то для его обозначения не было сочинено нового особого слова, в смысле нового звукового состава, а таковой был использован функционально из наличного запаса.[1] В результате оказывается, что семантические ряды переплетаются одни с другими, и одна и та же основа может итти по различным семантическим рядам, в особенности, когда примеры мы берем из разных, хотя бы и близких друг к другу по структуре, языков. Поэтому при прослеживании семантических рядов нельзя ограничиваться одним только сопоставлением основ, но требуется еще и анализ ряда установлением его последовательных звеньев.

Прослеживая таким образом каждое слово, мы целый ряд их сводим к одной начальной основе, каковая в свою очередь является только оформлением той или иной стадии и потому сама нуждается в установлении значимости ее в предшествующей стадии. В ходе такой исследовательской работы мы изучаем словарный запас каждый раз с постановкой генетического подхода. Этот генетический подход выдвигает

[1] Ср. „Из переживаний доисторического населения Европы", Чебоксары, 1926, 14; „Чуваши-яфетиды на Волге", Чебоксары, 1926, 8 сл. и др.

необходимость прослеживания преемственной связи наличного состава слов со словарным составом предшествующей стадии. Углубляясь таким путем от одной стадии в другую, мы уже полностью применяем палеонтологический анализ. В нем нам приходится считаться как с оформлением слова, так и с его семантикой. Меняется и то и другое, причем оба в значительной степени меняются в связи с необходимостью увеличения набора слов для наименования новых предметов, выдвигаемых осложняющейся жизнью общества, его хозяйства и его мировоззрений, материальных и духовных потребностей, по мере продвижения в более развитые стадии. [1]

Идя в вертикальном разрезе в обратном порядке от стадии к стадии сверху вниз, мы постепенно переходим от более развитых социальных формаций к менее развитым. В связи с этим постепенно же сужается и число понятий, требующих словесного наименования, и чем ниже спускаемся мы по вертикальному разрезу прослеживаемых этапов жизни человечества, тем все меньше и меньше становится число словесных обозначений, на ряду с чем каждое слово обнимает собою больший круг понятий, еще не расчленившихся на составные части, потребо-

[1] См., например, „Яфетичекая теория", Баку, 118 сл.

вавшие впоследствии, в других более развитых стадиях, своего отдельного наименования. Палеонтологический анализ, строящийся на семантике слов, указывает на полную возможность неустойчивости ее в нижних слоях вертикального разреза.

В итоге проведенных работ яфетидология усматривает и в движении словотворчества наличие того же явления, которое можно было бы назвать общим законом развития речи во всех ее проявлениях, а именно: вновь появляющиеся формы представляют собою не новшество в буквальном смысле этого слова, а развитие предыдущих, иногда менее, иногда более осложненное. Это относится равным образом и к развитию самих языковых систем и к развитию корнеслова. То, что мы называем основами изучаемых нами сложившихся языков, действительно являются для них основами, но эти основы не появились самостоятельно, они лишь оформились в основы данной системы данного стадиального состояния. В прошлом же своем они, путем прослеживания их предшествующего состояния в предыдущей стадии, возводятся к другим наличным в предыдущих стадиях основам. Исследование продолжается тем же путем из стадии в стадию с прослеживанием семантического хода по его звеньям от конкретных понятий до словесного наимено-

вания еще не расчленившегося круга их. Причем основы в этом длительном движении меняют не только свою значимость (семантику), но и внешность.

Таким образом, приходится признать, что весь такой в течение весьма продолжительного времени накапливающийся набор поддается палеонтологическому анализу, то есть прослеживанию генезиса каждого отдельного слова с изменениями при стадиальных переходах его внешности и значимости. И в результате такового анализа, каждое слово может быть по своей основе возведено к тому изначальному звуковому комплексу, из которого оно вышло в длительном процессе движения человеческой речи. Палеонтологический анализ над каждым отдельным словом полностью, конечно, далеко еще не проведен, но то, что удалось все же сделать, дало Н. Я. Марру основание утверждать, что весь наличный состав слов сводится к четырем основным элементам и различным их сочетаниям. Выявление этих четырех элементов хотя и устанавливается по яфетическим языкам, но не является лишь их словарной основой. Элементы эти прослеживаются во всех языках. Такое положение вполне естественно, раз сами яфетические языки оказываются только одним из оформлений общего процесса развития человеческой речи.

Выделение названных элементов делается уже по членораздельной речи, следовательно, они по одному этому до известной степени условны, так как устанавливаются по эпохе вовсе не первичной ступени общего глоттогонического процесса. Они, названные четыре элемента, в том виде, как их выявляет яфетидология, конечно, уже не являются первичными диффузными комплексами. Они являются лишь их непосредственными дериватами. Но сами диффузные комплексы пока не улавливаются, в виду чего приходится остановиться на том, что поддается улавливанию, то есть на этих четырех элементах. Тем более условно принятое в яфетидологии наименование их—sal, ber, ion и rош, или буквенными обозначениями этих же элементов A, B, C, D, взятых в таком двусогласном с огласовкою виде в одном из своих фонетических расчленений. Все же они выделены Н. Я. Марром и сохраняются в исследовательской работе потому, что, судя по проведенной пока работе, весь наличный по сей день словарный состав, во всем его подавляющем многообразии, при палеонтологическом к нему подходе выявляет, по словам Н. Я. Марра, только эти четыре элемента.[1]

Яфетидология, ставя своей целью поста-

[1] См., например, „Яфетическая теория", Баку, 99 — 112.

новку генетического вопроса полностью, естественно, должна была бы задаться выяснением происхождения самих этих элементов. Для этого, строго следуя установленному методу, нужно продолжить палеонтологическое прослеживание глубже той стадии, на которой элементы выделились. Но сами эти элементы, хотя и улавливаются по наличному материалу, но уже палеонтологическим путем, стадии же оформления их могут быть выявлены только тем же путем. Таким образом, мы приближаемся здесь вплотную к тем стадиям, которые дошли до нас лишь в отдаленных отголосках, и стадии эти пока не уточнены, а потому и говорить о них приходится еще весьма условно. Происхождение четырех основных элементов могло бы уточниться только при углублении в то диффузное состояние речи и мышления, когда звуковой комплекс не был еще расчленен. Между тем, именно та эпоха слабо поддается изучению.

Проведенная по настоящий день аналитическая проработка словарного материала дошедших до нас языков приводит палеонтологическим анализом к ряду выводов, сводка которых дает известное представление о ходе развития словарного состава в широком обхвате глоттогонического процесса. Говоря об указанных четырех элементах в приведенном

выше их осмыслении и понимая их как одно из наиболее ранних проявлений уже фонетически расчленившегося диффузного звукового комплекса, а может быть и комплексов, приходится признать, что сами по себе названные четыре элемента, в этом или ином их фонетическом оформлении безразлично, устанавливаются еще для той поры глоттогонического процесса, когда они еще не были словами в точном понимании этого термина. Следовательно, они не служили еще для звукового обозначения определенного предмета или понятия, и потому за ними не может быть признано точной значимости, в виду чего они и не дают возможности прослеживания по ним семантики, то-есть установления точного значения за каждым из этих элементов.

При таком положении приходится признать, что названные четыре элемента уходят вглубь доисторических языковых формаций. Тем более затруднительно строить по ним семантические ряды, то есть прослеживать меняющееся значение каждого из них. А когда они, после длительного асемантического состояния, стали использоваться для обозначения предмета, то есть становились уже словами, то первоначально употреблялись в среде с небольшим подбором понятий, следовательно, в человеческом коллективе с ограниченной потребностью

в звуковых комплексах, значит, в периодах еще слабо развитой дифференциации понятий. Другими словами, они уходят ниже той даже стадии человеческого состояния, когда материальные и духовные потребности с им соответствующим мировоззрением не нуждались еще в большом количестве отдельных наименований для выделенного ими весьма ограниченного круга представлений. Отсюда следует, что в течение длительного времени названные четыре элемента, уже становившиеся словами, не имели вне употреблявшей их среды никакого значения. Они получали таковое только при известных условиях их употребления, при известном окружении или сочетании слов, а иногда, может быть, служили лишь дополнением к еще в то время окончательно не изжитому языку, предшествовавшему звуковой речи.[1]

Как указывалось выше, мы прослеживаем продвижение значимости и формы слова из стадии в стадию по данным дошедшего до нас лингвистического материала. Таким путем мы устанавливаем в новых, сравнительно, словообразованиях отражения тех эпох, которые фактического материала до нашего времени

---

[1] См., например, „Яфетическая теория", Баку, 112—118.

не донесли и потому уясняются нами по их пережиткам. Судя по ним, по этим пережиткам, архаизмам, яфетидология полагает, что восстанавливаемые нами основные четыре элемента относятся к стадии именно магического восприятия, когда человечество стало переходить к использованию членораздельной звуковой речи в связи с магическим действием, к каковому по своему содержанию приближалось всякое проявление человеческой деятельности, до трудового акта включительно.[1]

Стадии человеческой культуры преемственно переходили из одной в другую, поэтому же преемственно переходили из стадии в стадию и названные четыре элемента. Причем каждая стадия, отвечая своему материальному и духовному состоянию, осложняла внешнее проявление культуротворчества, сообразуясь с новыми своими потребностями. Этим потребностям должен был удовлетворять и язык. Благодаря этому в каждой стадии получали свое внешнее оформление и свою значимость (семантику) развивающиеся формы словотворчества. Тому же процессу оформления подверглись, в частности, и улавливаемые все те же четыре элемента, как продолжающие лежать в основе словарного новообразования.[2] Таким

[1] Ц. м.

[2] Ср. там же, 118 — 120.

образом, в определенных стадиях уже развитого мышления названные четыре элемента, в своих разновидностях, получили устойчивость в значимости. Но эта устойчивость закреплялась не за ними, а за их разновидностями и дериватами, становившимися в каждой стадии основами ее словарного запаса. Следовательно, семантика и семантические ряды прослеживаются по основам, восходящим к этим элементам, но не по ним самим.

Стадия магического восприятия, как уже говорилось, близка к тому состоянию, когда магическое действие обнимало собою всю вообще деятельность человека, не различавшего момента культового обращения от чисто производственного акта, то есть близка к стадии диффузного, нерасчлененного состояния. За выделившейся из диффузного состояния магической стадией выявляется стадия тотемистического восприятия, в которой продолжал свое развитие тот же наследственно полученный лингвистический материал. В нем уточняется значение словарного запаса и усиливается процесс стабилизации семантики (значимости слов), то есть усиливается процесс прикрепления слова к определенным понятиям, увеличившимся в своем числе сообразно расширившимся потребностям новой стадии. Свое определенное прикрепление получило и новое стадиальное слово-

образование, восходящее в своей основе к упомянутым основным элементам. В этом состоянии тотемистического деления человеческих группировок названные четыре основных элемента условно именуются в яфетидологических трудах элементами племен-примитивов. Термин в таком его употреблении является условным уже потому, что племена-примитивы, как бы несложны они ни были, вовсе не являются носителями начальной ступени человеческой культуры. Термин все же сохраняется яфетидологией, так как названные четыре элемента, улавливаемые в словах доступных нашему исследованию языков уже развитого типа, носят в себе явные пережитки той крайне отдаленной поры, когда они использовались для выражения понятий тотемистического круга.

Дальнейший процесс развития словотворчества представляется, по яфетидологическому анализу материала, в следующем виде. Обособленно живущий человеческий индивидуум не мог создать человеческой речи, не мог создавать и вообще человеческой культуры. Культура и речь вызваны потребностями общения, то есть определенными группировками людей, связанных общими интересами. Таким образом, в самом начале человеческой культуры во всех ее проявлениях лежит, как необходимый ее фактор, соединение индивидуумов, другими сло-

вами, процесс начального скрещения, приводящий к группировке людей. Группировка связана общим интересом массового удовлетворения материальных и духовных потребностей. Процесс скрещения продолжается и между такими уже формирующимися группировками.

В связи с этим происходит и скрещение указанных основных элементов человеческой речи, получавших в каждой группировке свое внешнее отличное выражение этих в своей основе единых для всего человечества звуковых комплексов. В отдельных человеческих группировках, живущих своими обособленными интересами, каждый основной элемент человеческой речи фонетически оформлялся далеко не везде одинаково. К тому же, для обозначения определенного понятия далеко не везде закреплялся за таким понятием один и тот же основной элемент. Следовательно, указанные четыре элемента, сначала свободные от определенного значения, теперь уже прикреплялись к ним, и, в результате такого длительного процесса стабилизации получали в различных человеческих группировках различную значимость, то есть стали служить для обозначения различных понятий. Когда же происходило скрещение человеческих группировок, то скрещивались и разошедшиеся формы некогда единых четырех элементов.

Соединение их обогащает словарный запас, каковой и используется в связи с увеличивающимися потребностями в приурочении звукового наименования все увеличивающимся понятиям. В результате накопления словарного запаса таковой продолжает свое развитие путем различного соединения основных элементов не только в их одной лишь фонетической дифференциации, но и в сочетании этих элементов в единый образуемый из их соединения новый сложный состав звуков. Получалось уже скрещенное слово, то есть образование не из одного, а из нескольких элементов. При ограниченности звуковых возможностей таковое скрещение элементов повело к усечению слагаемых основ с утратой ими начального или конечного согласного, а иногда и огласовки. В итоге получается новый комплекс, уже воспринимаемый как цельная основа, но палеонтологически возводимый к скрещению тех же основных элементов. Такое усечение элементов при их соединении вовсе не всегда является продуктом только развитого словотворчества. Поэтому улавливаемые в современных нам языках полные формы скрещенных слов далеко не во всех случаях свидетельствуют о подлинном архаизме сохранившего их языка.

Впоследствии, со стабилизацией племенных группировок (в стадии племенных образований,

она же стадия космического восприятия), те же четыре основных элемента продолжали лежать в основе создающегося нового процесса словотворчества в пределах развивающихся потребностей племен. В этот период те же указанные элементы условно называются четырьмя основными племенными словами. Они, как сохраняющие тотемный пережиток предыдущей стадии, обратились в племенные названия. Поскольку племя связывает себя со своим богом покровителем, постольку же и сам племенной термин связывается с именем бога, а потому, восходя через него к стадии тотемного и магического состояния, закрепляет имя в наиболее архаичной его форме, то есть в наиболее чистой форме основного элемента. Поэтому племенные названия застывают в древнем своем звуковом оформлении, оказываясь архаичными в среде продолжающегося племенного словотворчества. Поэтому же палеонтологическому анализу легче поддаются именно этнические термины и связанные с ними географические названия.[1]

В использовании имеющегося запаса слов для обозначения своей мысли, в период уже развивающегося словотворчества, человек мог

[1] Изложение роста звуковой речи приводится мною с учетом разных, затрагивающих эту тему, яфетидологических работ 1926 и следующих годов.

строить фразы из сочетания этих слов, причем менее совершенным способом составления фраз будет помещение слов без изменения их формы (аморфность). А так как слово само по себе означало как понятие, так и действие, то значение его в качестве того или другого определялось местом данного слова в произносимой фразе (синтетичность). В таких языках аморфно-синтетического строя не могло еще существовать глагола, а было лишь одно имя.[1] Действие здесь выражалось комбинацией слов, из которых одно слово означало источник действия (субъект), другое означало цель действия (объект), а третье — образ действия, то-есть, то действие, которое заключается в помещаемом тут имени (сказуемое). С аморфностью органически связана синтетичность, то-есть строй с определенным местом для каждой части предложения, притом с таким твердым распределением мест во фразе, что по занимаемому словом месту узнается с какой частью предложения мы имеем дело и даже в роли какой части речи данное слово должно быть понято.

[1] „Яфетическая теория", Баку, 122 сл.; „О происхождении языка", ПЭР, 307: „для доисторического мышления недостаточно одного состояния имени. Имя должно быть семантично образным, дающим образное представление о предмете, чтобы принадлежать к доисторическому состоянию речи и рассматриваться как его наследие".

Если же место, которое занимает слово во фразе, может определять не только часть предложения, но и часть речи, то ясно, что в аморфно-синтетическом строе слово определяется не само по себе, а тем окружением других частей фразы, в котором оно оказывается. Следовательно, смысл слова определяется конкретным его значением в данной среде, уже дошедшей до определенной конкретизации образов хотя бы и в общем комплексном их виде, требовавшем звукового приурочения к определенному кругу понятий. Таким образом, в синтетическом строе речи среда определяет значение слова, у самого же слова получается возможность сосредоточения в себе многих значений, отсюда — полисемантизм. Отсюда же и возможность прослеживания семантических рядов.[1]

С течением времени цельные слова (имена) удержались за обозначением предмета, то есть удержались в роли его символов, в роли же символов субъекта и объекта, иначе — активного и пассивного участников действия, появляются заместители имен, так называемые местоимения. Эти местоимения, образовавшиеся из тех же слов, восходящих к тем же основным звуковым комплексам, следовательно и к основным элементам, не могут быть первичным явлением.

[1] „Яфетическая теория", Баку, 51 сл.

Они оказываются сравнительно позднейшим достижением, причем местоимения первого лица, как и обозначение вообще единственного числа, выявляются как более позднее достижение, связанное с выделением лица из общего состава коллектива, с осознанием самостоятельности входящих в его состав членов.[1]

Наконец, появление самостоятельной категории глаголов есть еще более позднее явление, так как глагольная форма стоит в тесной связи с развитием местоимений, без которых невозможно формальное выражение спряжений. Собственно, и склонение могло быть без наличия местоимений выражено только в слабой степени. Таким образом, возможность внешнего выражения общественного значения слов в их взаимоотношении и согласованности оказалась налицо лишь как вызванная осложненными уже потребностями материального и духовного развития человеческого общества. Поэтому до соответственной степени развития социального строя не было не только морфологии, но не было и богатых формальных средств звуковой изменяемости самих слов для выражения их взаимоотношений.[2]

Ближайшим к аморфно-синтетическому строю речи стоит агглутинативный, не имеющий еще

[1] „Яфетическая теория", Баку, 54, 122 сл.

[2] Там же, 53—54.

органически выраженных окончаний имен существительных и прилагательных. В нем вместо падежных и других окончаний присоединяются к именам, для выявления их назначений во фразе, так называемые функциональные слова или вышедшие из них придаточные частицы. И, наконец, более совершенным из дошедших до нас типов речи является флективный, в котором определение взаимоотношений слов переносится целиком на их оформляемость.

Все эти типы речи генетически связаны между собою и вовсе не являются характерными особенностями отдельных рас. Даже флективные языки, например, индо-европейские и семитические, вовсе не различны по своему происхождению. Они представляют собою, по выводам яфетидологических исследований, лишь различные этапы развития уже самой флективной речи. Преемственная связь всех этих типов явно выражается в том, что, как уже указывалось выше, флективные языки сохранили в себе многие черты агглутинации и т. д. Каждый из этих типов речи не представляет внутренней цельности своей структуры. Нет типа свободного от неизжитых еще особенностей предыдущих типов.[1]

Процесс скрещения, по мнению Н. Я. Марра,

[1] „Яфетическая теория", Баку, 55 — 60

продолжается не в меньшей степени и в уже развитых по своей структуре языках. Понятию скрещенных слов придается особое содержание. Под ним продолжает пониматься соединение двух равнозначащих слов, принадлежавших прежде различным социальным группировкам, теперь уже племенам. Сумма таких соединяющихся слов, в которой хотя бы по одному из слагаемых известно каждой скрещивающейся среде, становится тем самым обоюдопонятной для обеих сторон, вовлекаемых в общение друг с другом. Всякое скрещение имело этапы своего развития в любой среде, начинаясь парным употреблением двух самостоятельных слов, и лишь в конечном результате оно завершилось не только их полным, как бы физическим, сращением, но и внутренним слиянием путем такой переработки двухэлементного слова, что от четырех согласных двух совокупленных элементов осталось три, часто всего на всего два. Поэтому наличная в развитых языках двухсогласная основа может совпадать с одним из основных элементов только внешне по числу согласных звуков, на самом же деле она окажется двухэлементным сочетанием с половинным усечением обоих. Другими словами, соединяются два элемента, то есть две разновидности упомянутых выше основных элементов, двусогласных в своей

основе. Каждый из этих элементов утрачивает один согласный, благодаря чему скрещенное из этих двух элементов слово содержит в себе по одному согласному от каждого элемента, а в сумме лишь два согласных, вместо четырех, и т. д.[1]

Такое усечение двухэлементных основ, то есть составленных из двух основных элементов, обращается в некоторых языках в их действующий закон, причем усечение согласных вовсе не обязательно в обоих соединяющихся элементах. Усечению может подвергнуться лишь один из них. Так, например, в семитических языках трехсогласный состав каждой основы образуется в результате систематического использования такого усечения четырех согласных двухэлементного соединения в трехсогласный корень. Это же явление приближает к семитическим языкам и яфетический грузинский. Процесс усечения мы видим не в одних только скрещенных словах, но и в одноэлементных, в частности в словах моносилабического строя. Постоянное усечение в выдержанной его форме может оказаться одним из характеризующих признаков той или иной системы языков.

Но соединению могут подвергаться не одни

---

[1] Там же, 120 — 122.

только слова тождественные по своему значению, то-есть означающие в различных языковых группах один и тот же предмет или понятие, например, mu-zem в коми языке (зырянском) в значении земля, образованное путем скрещения местного слова mu — земля с русским того же значения.[1] Наблюдается также наличие ряда сложных слов, в которых сросшиеся два и более элементов имеют различную значимость. Поэтому для таких слов устанавливается другой термин — „составные слова", в отличие от скрещенных слов, образовавшихся от соединения равнозначащих элементов. Появление и тем более развитие таких составных слов характеризует в особенности языки, уже развитые по своей структуре. Процесс усечения наблюдается и в них.

Таким образом, анализ словарного материала проводится яфетидологией по тем же двум разрезам. В стадиальном (горизонтальном) разрезе прослеживаются стадиальные основы и выработавшиеся основы различных систем языков. В палеонтологическом (вертикальном) разрезе прослеживается генезис этих основ и видоизменения как внешнего их вида, так и значимости (семантики) при переходе из стадии в стадию. Как результат стадиальных пере-

[1] См. предыдущее примечание.

ходов улавливается архаизм и в оформлении и в значимости слов. Палеонтологический анализ возводит весь наличный словарный запас к четырем основным элементам, а сохраняющийся архаизм дает возможность осознавать и те предшествующие стадии развития речи, которые в цельном облике не улавливаются по дошедшим до нас исторически известным языкам, и дает основание к построению основных семантических рядов.

По этим семантическим рядам уточнится и само деление на стадии, необходимость какового деления остро ощущается по самому ходу текущих яфетидологических работ. Когда удастся выделить стадии, пока точно еще не устанавливаемые даже в своем основном числе, и удастся установить комплексы их характеризующих признаков, уяснится многое остающееся еще темным в вопросах глоттогонического процесса. Тогда и само словотворчество в отдельных своих слагаемых выявит явное наследие предыдущей стадии, а с другой стороны выявит и свое новое словообразование. Перешедшее наследие установит то общее, что связывает данную стадию с ей предшествующей вплоть до сохранившихся от нее характеризующих признаков, тогда как новое выявит достижения самой стадии. Тут мы познаем ее сдвиг, вызванный осознанием прежде не отме-

чавшихся явлений или наличием впервые появившихся предметов и понятий, выдвинутых новым укладом жизни, техническими усовершенствованиями, появившимися новыми разновидностями труда, хозяйственных продуктов и т. д. Таким путем мы будем хотя бы и постепенно приближаться к познанию мыслящего и творящего человека его эпохи.

При предстоящем стадиальном подходе получится существенный коррективъ, необходимый для построения самих семантических рядов. Палеонтологически каждое слово разлагается на основные элементы или возводится к ним, но элементы эти признаются яфетидологией за асемантичные, за неимеющие точной значимости. Стабилизация семантики, таким образом, не может быть отнесена к первичной стадии, а в связи с этим не могут быть отнесены к ней же и начальные звенья семантических рядов. Эти начальные звенья восходят к различным стадиям, может быть, даже в современных нам стадиях образуются начальные звенья будущих рядов. В этом направлении исследовательских работ важен исходный пункт движения слова в его различных засим значениях, который и будет характеризовать стадию как термин, ею приуроченный или даже впервые составленный для обозначения появившегося или вновь осознанного явления.

В этом случае, облик стадии удастся уяснить по ей присущим или, вернее, ею выработанным терминам, так как по ним мы узнаем, что имеет свое начало в данной стадии как в области миропонимания, так и в области техники, вплоть даже до новых форм общественной структуры и т. д. Но одного этого еще недостаточно для полноты картины. Если мы и сможем учесть то, что ново для данной стадии, то все же не учтем того, как осмыслил человек это свое достижение. Именно здесь и представляет особую ценность палеонтологический анализ, потому что только при нем мы постигнем ход осмысления самого нового явления. Человек не творит новых слов, создавая не имевшиеся до того звуковые построения небывалых прежде основ. Он их конструирует. Яфетидология, по анализу наличного лексического материала, решительно признает преемственность словообразований, при которой новому явлению приурачивается термин, его характеризующий не вновь сочиненным словом, а видоизменением или сочетанием уже наличных слов, служивших для обозначения другого понятия или понятий, связываемых человеком с данным новым достижением мысли или дела.

Таким путем выяснится не одно только стабильное состояние изучаемой нами эпохи, но и то понимание современных ей явлений,

каковое человечество запечатлело в приурочиваемых им терминах, связав через их посредство эти явления с их прообразами в прошлом. Здесь постепенно накапливается материал для суждения о миропонимании данной стадии и в то же время о связи ее с миропониманием предшествующей.

Последовательное развитие семантического ряда от начального его звена, в виде определенно сложившегося термина с закрепленным его значением, есть эволюционный ход его развития. Этот эволюционный ход обрывается в том начальном своем пункте, где термин приурочивается вновь появившемуся или впервые осознанному явлению. Но и тут он не создается заново как новый еще не имевшийся звуковой комплекс, он лишь образуется из наименования иного или иных явлений. Следовательно, здесь происходит процесс перерождения значимости термина или образование нового сложного термина, разлагаемого на составные части, каждая со своим значением, оказывающимся звеном своих семантических рядов. Отсюда — перерождение семантического ряда или перебой в последовательном переходе звеньев единой цепи.

Для уточнения семантического ряда существенное значение имеют и эти перебои. С них начинаются самостоятельные ряды, наличие

которых без них не получило бы цельности построения. Но ими же один ряд связывается с другим, прослеживаемым в свою очередь до своего перебоя, и т. д. до самых глубин словотворчества. Поэтому неучет их в исследовательской работе сведет все семантические ряды к исходному диффузному состоянию, в результате чего всем семантическим рядам грозит слиться в единую хаотическую массу. В последнем случае мы при анализе каждого отдельного явления, будь то слово, миф или памятник материальной культуры, будем видеть в нем лишь отражение диффузной стадии, а не действительное его содержание в цельном ходе эволюционного развития. Тогда как для анализа не общих вопросов генезиса культуры, а данного лишь ее проявления, когда мы именно в этом направлении хотим проводить работу для предстоящего уточнения стадиальных делений, существенно прослеживание развития с одного начального пункта именно этого семантического ряда в окружении единой стадии и примыкающих к ней по непрерывным переходам звеньев одного ряда. И поскольку мы и в этом последовательном ходе семантического ряда, до моментов его перебоя, прослеживаем его в различных стадиях, мы проводим ту же палеонтологическую работу, хотя бы и без углубления в начальное состояние до диффуз-

ного включительно. Мы дойдем до этого начального состояния человеческого общения постепенно, по мере уяснения стадий в их преемственной последовательности.

Работа по этому заданию только в текущий момент выдвигается яфетидологией с конкретной постановкой самого задания для предстоящих исследований.

III. НАЧАЛЬНЫЕ СТАДИИ ГЛОТТОГОНИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.

Изучение единого процесса развития человеческой речи встречается с существенными затруднениями во всех своих этапах. Современные нам языки сложны в проработке их группировок, в выяснении их характеризующих признаков. Сложен их морфологический строй, вовсе не цельный по своим признакам и при том вовсе не застывший в том стабильном состоянии, в котором мы его изучаем. Словарный запас наличных языков, равным образом, крайне осложнен необходимостью установления основ в их стадиальном оформлении. Хотя основы эти и расчленяются в палеонтологическом анализе на четыре основные элемента, но элементы сами по себе асемантичны, следовательно, для очередного яфетидологического задания, для установления семантических рядов, существенное значение приобретают уже раз-

личные видоизменения элементов при их стадиальном использовании, как основ данного стадиального словотворчества.

Не меньше затруднений встает перед исследователем при дальнейшем углублении палеонтологического анализа. И даже с выделением четырех основных элементов, наличных во всем богатейшем составе слов развитой речи, которою пользуется современное нам человечество, яфетидология все же не разрешила генетического вопроса. Этот вопрос в полной мере приходится ставить и по отношению к ним самим. Спрашивается, как возникли эти четыре элемента и какое объяснение им дается?

Категорически полный ответ дать пока трудно, так как мы вынуждены углубляться в состояние человечества, о котором сейчас человек уже забыл. Но все же яфетидология проводит свои выводы не на отвлеченных построениях, а на материале. И материал этот дает основания для суждений даже о таких весьма отдаленных от нас эпохах. Такая возможность базироваться и в этих вопросах все на том же материале выясняется именно при яфетидологическом к нему подходе. Действительно, пока лингвистика стоит на обособленности языковых семей, она неминуемо ограничивается такими семьями и дальше пра-языка итти не может. С признанием же общего и

единого процесса человеческой речи, с признанием различных их группировок, как бы их ни называть, национальными языками, семьями, системами и т. д., и тем более с признанием стадиальной их преемственности, палеонтологический подход не отрывается от самого материала. Каждая стадия получает наследственно материал предыдущей стадии и перерабатывает его под своим уклоном. При этой переработке в каждой стадии сохраняются от предыдущей некоторые элементы целиком, некоторые отживающие элементы сохраняются в ней как пережитки, другие, уже вымершие, сохраняются как отголоски. И все это наследие переносится от одной стадии в другую, частично утрачиваясь по пути движения, частично сохраняясь. Благодаря этому мы по наличной стадии можем судить о состоянии предыдущей, хотя бы она полностью до нас и не дошла. Все же и тут мы продолжаем работу над самим материалом.

К тому же работа эта до известной степени облегчается еще и тем, что современные нам языки вовсе не находятся все на одной стадии. Человеческое общество не везде переживает и переживало одинаковый темп развития. В результате, перед нами открывается богатая картина разнообразия не только систем языков, но и их стадиального состояния. Именно по-

этому для яфетидологии важны не одни только письменные языки и не одна только хронологическая давность письменного источника. В определенную эпоху мог всплыть народный язык и войти в литературную обработку. Но сам такой народный язык вовсе не измеряется в своей давности по дате первого его засвидетельствования в литературе. В итоге, приходится признать, что более старый по датировке памятник отнюдь еще не свидетельствует о наличии в нем более архаичных форм по сравнению с каждым памятником последующих годов. Такая датировка, конечно, важна, но она без палеонтологического анализа форм может привести и к ошибочному освещению глоттогонического процесса. В связи с этим особое внимание обращается яфетидологией и на живые бесписьменные языки.

Считаясь с доступным изучению многообразием языковых структур и в особенности с языками самой яфетической стадии, с ее столь типологически разнообразными представителями, яфетидология постепенно приближается к изучению стадиальных различий и к выяснению по сохранившимся архаизмам предшествующих звеньев стадиального развития. В итоге проделанной работы представляется возможность притти и к определенным выводам, вырисовывающим, пока хотя бы и в сум-

марных чертах, облик древнейших периодов развития человеческого словотворчества. Такие выводы допустимы лишь при подходе ко всему обильному материалу, как к единому целому одного общего процесса развития человеческой речи и всей культуры вообще. Только признание последовательности развития форм в их длительных переходах от одного стадиального оформления к другому дает действительную возможность в самом материале выявлять облик того, что предшествовало его наличному состоянию, то есть судить об этом предшествующем, не отрываясь от материала. На устоях яфетидологического метода такая работа становится осуществимой при всех, конечно, оговорках о некоторой условности иных выводов и о необходимости дальнейшей проработки выдвигаемых вопросов, как далеко еще окончательно не разрешенных.

Такая условность грозит еще долго сохраниться, потому что мы в своем распоряжении имеем пережитки отдаленных от нас стадий, а не их цельное состояние. Языки же так называемых первобытных народов с этой стороны еще мало изучены, и взаимоотношение их даже между собою по стадиальным признакам проводится пока крайне слабо. Тем более недоговоренности может быть во многих выводах, раз яфетидология изучает язык не как само-

стоятельное только явление в культурной жизни человечества. Поэтому и сами языковые формации в пределах стадий, в их характеризующих признаках, тесно соприкасаются со всем стадиальным обликом человеческой среды, и, в результате, нам приходится по языку восстанавливать не одни только языковые формы, но и все вообще оформление уклада человеческого общежития и его мировоззрений. Таким образом, язык в этой работе оказывается лишь одним из объектов исследования.

Пережитки не дошедших до нас стадий улавливаются не в одном только языке. Так, например, мировоззрение человека сохраняет свои отпечатки и в мифотворчестве, различно освещающем сходные сюжеты под давлением господствующего направления миропонимания каждой стадии. Эти сюжеты передаются из стадии в стадию; и нередко понятное в одной стадии не соответствует мировоззрению другой, но все же сохраняется, воспринимаемое уже как сказочный материал, как миф. Считающееся реальным в одной стадии обращается в сказку для другой. Причем преемственная связь все же настолько крепка, что человечество нередко не в силах еще отказаться от веры в реальность того, что оно уже не может считать таковым по современному ему уклону мировоззрения, и тогда непонятное получает

народное истолкование, народное осмысление, при котором сохраняется сюжет, но меняется его толкование, а в связи с этим изменяется и внешняя трактовка самого сюжета. В результате, мы и по мифу, в его палеонтологическом разборе, то есть в прослеживании его изменений при переходах из стадии в стадию, проводим то же самое, как и в языке, исследование, приближающее нас к пониманию не дошедших до нас доисторических эпох.

Тем более, конечно, необходим учет и всего археологического материала, получаемого нами в подлинных изделиях рук человека. Здесь еще более, чем где-либо, необходим палеонтологический анализ. Нужно связать вещь с самим человечеством и в то же время проследить стадиальные переходы форм. Только тогда мы поймем археологический материал и только тогда он станет нашим насущным пособником при суждениях о культурном облике человека, а не об одной только условной красоте сюжета, выявляемой искуствоведческим подходом. Вещь, творение человека, интересна не одним только тем, что ее сотворил человек. Она, отдельно взятая, выявляет собою лишь одно из звеньев длительного и последовательного творческого развития. Она отражает в себе весь облик своего творца, и именно этот облик требуется по ней установить. Но облик этот останется

попрежнему темным, если мы не проследим ее предшествующего и последующего состояния. Лишь этим путем мы познаем эволюцию формы, следовательно, познаем и ее самое, а через нее и самого человека.

Если развитие культуры едино, но многообразно и разнообразно в своих стадиальных переходах и в оформлениях стадиальных систем, то это единство процесса во множестве разветвлений нужно уловить и в языке, и в духовном и материальном творчестве. Между тем исследователь вместо изучения жизни формы прослеживает по форме переселения племен в виде бурных потоков носящихся по поверхности земли культуроносцев. Вместе с ними носится по земле и исследователь, не чувствующий за собою сил остановиться и изучить мыслящего человека по дошедшим до нас в подлиннике и пережитках результатам его труда. Поймав одну форму на западе, а другую на востоке, археолог переносится от одной к другой и отрывается от почвы. В итоге он не улавливает стадиального состояния формы, потому что сходные признаки могут оказаться в разных стадиях, археолог же берет отдельные признаки, а не комплекс их, тогда как именно комплекс признаков, а не отдельно взятые признаки определяют стадию. Он ограничивается отрывочными исканиями сходного признака, но

не утруждает себя попыткой уяснить стадию со всей суммой характеризующих ее признаков, то есть уяснить человека во всем его облике этой стадии. Между тем в подобного рода попытках и заключается возможность осмысления культуротворческого движения.

Яфетидология идет иным путем. Она не отрывает материала от родной его почвы и решительно становится на прослеживание развития форм и на прослеживание значимости этих форм, отсюда и их семантических рядов. Основываясь на лингвистическом материале, она палеонтологическим анализом дает уже и теперь некоторую, хотя и не полную, но все же сводную проработку материала, проливающую лучи света на далекие доисторические стадии. Картина состояния языка в древнейшие стадии вырисовывается на основании последних работ Н. Я. Марра в следующем виде.[1]

Впервые слагавшаяся звуковая речь разлагалась не на отдельные членораздельные звуки, а на отдельные звуковые комплексы. Этими цельными комплексами еще нерасчленившихся звуков и пользовалось первоначально человечество как цельными словами. Став потом членораздельными, такие звуковые комплексы

---

[1] См. указанные выше работы и работы, цитированные в изложении исторической части, начиная с 1926 г.

выделили четыре различаемые основы, каковые и упоминались выше под именем четырех основных элементов. Таким образом, звуковая речь начинается не с выработки отдельных звуков, а с использования отдельных целых звуковых комплексов, каковые в до-речевой фонетике были диффузны, доходя до состояния трехзвучности. От этого диффузного состояния трехзвучности каждого первичного звукового комплекса сохранились до наших дней, как пережитки, улавливаемые и в современных языках так называемые сложные согласные, аффрикаты. [1]

Изначальные звуковые комплексы, повед-шие к развитию членораздельной речи, присущи всему человечеству и, когда создавались необходимые условия, то есть, когда культурное состояние человека достигало определенной высоты, постепенно вели к выделению фонем и к дальнейшему продвижению начинающегося процесса словотворчества. Поэтому бесцельны всякие поиски единой пра-родины зарождения человеческой звуковой речи. Эти изначальные звуковые комплексы одинаковы везде, где имеется человек, следовательно, они, при своем последующем переходе в членораздельность,

[1] См. „Абхазский аналитический алфавит", изд. Инст. Жив. Вост. Яз., Ленинград, 1926, 48; „Яфетическая теория", Баку, 109.

могут дать в разных местах сходные формы. В этом процессе развития речи каждый звуковой комплекс мог быть приурочен к обозначению любого образа, следовательно, каждый звуковой комплекс мог первоначально означать все. Он был асемантичен, то есть характеризован отсутствием какого бы то ни было стабильного значения за словом. В первоначальном своем состоянии эти комплексы звуков долго еще не дифференцировались до той степени, как они проявляются впоследствии. Членораздельность получилась позднее, и лишь с достижением членораздельности звуковая речь вошла в обиход как основное средство общения между людьми. В процессе же дифференциации комплексы-слова закреплялись для выражения определенных образов, а так как и эти последние сами лишь постепенно выделились в мышлении человеческого общества, то и комплекс-слово не сразу закрепилось за определенным кругом понятий. Поэтому уже в древнейшие времена словотворчества особое значение начинает приобретать значимость слова, его семантика, поскольку таковая может быть уловлена в семантических рядах по сохранившимся пережиткам.

Число таких уже оформленных членораздельных звуковых комплексов обусловливается не само по себе, а зависит от потребности

в них. Пока человек нуждался в отдельном обозначении ограниченного круга предметов и понятий, число приуроченных к ним звуковых обозначений не могло быть велико. По мере увеличения потребностей человека в связи с развивающимися его бытовыми условиями и развитием его мышления, как члена коллектива, из того же ограниченного числа звуковых составов, путем их различения, создавался набор членораздельных слов, образовавших впоследствии основной лексический состав языков всего мира.

Именно по этой причине лексический состав, постепенно развивавшийся при переходах из стадии в стадию и в пределах каждой сообразно ее потребностям, донес до наших дней глубокие архаизмы и в морфологии и в корнеслове и в значимости слов (семантике). По сохранившимся архаизмам в дошедших до нас языках улавливаются, между прочим, от тех же начальных ступеней человеческого словотворчества такие глубокие пережитки, как совпадение в одинаковых основах различных значений, не строящихся в семантический ряд и соединяющихся между собою без логически улавливаемой нами связи между выражаемыми ими понятиями. Сюда придется отнести так называемые семантические гнезда, в роде „женщина — вода — рука“ и др.

Равным образом по пережиткам же в исторических языках выясняются яфетидологией и стадии, предшествующие возникновению даже звуковой речи. Здесь в значительной степени приходит на помощь анализ семантических рядов. Именно на них и строится главным образом картина развития речи в доисторические времена. Семантические ряды выдвинули особую значимость руки, что свидетельствует о главенствующей некогда роли ее в человеческом общении. Такие семантические ряды с рукой в качестве начального звена не ограничиваются одними только терминами производства, они идут и по линии культовой и по линии средств общения, средств выражения своей мысли и своих желаний. Таким образом, наличный материал семантических рядов указывает на руку не только как на орудие производства, но и как на орудие общения. Отсюда яфетидология делает вывод, что до развития звуковой речи средством общения служила рука.[1]

Проработка материала по семантическим рядам приводит Н. Я. Марра к нижеследующим положениям. На нижней грани звуковая человеческая речь столкнулась с речью не звуковою. Путем палеонтологического анализа выяс-

[1] Мое изложение, здесь приводимое, представляет собою передачу и развитие высказанных в указанных выше работах положений.

няется, что предшествующей звуковой речи человека была речь кинетическая (линейная), выражавшаяся при помощи жестов, телодвижений и мимики. Эта речь жестов сама по себе осложнена жизнью человека не в абсолютно примитивной обстановке, а уже в зависимости от определенных потребностей хотя бы и не развитых, но все же общественных группировок. Человек и в этой стадии должен был обладать образным мышлением и совершенствовать его. Иначе нельзя было бы объяснить сложность и многообразие семантических рядов, идущих от поднятия руки и стойко сохранившихся в языках даже наших дней.

По тем же причинам не приходится считать период кинетической речи, то есть речи жестами, телодвижениями и мимикой, за кратковременный. Весь наличный семантический материал, наоборот, свидетельствует о том, что кинетическая речь имела свой крайне длительный период и сама переживала отдельные этапы своего развития. Детализация этих периодов пока ускользает от исследователя, но мощный отпечаток создавшегося человеком того времени мировоззрения отложился в значениях слов уже позднейших эпох звуковой членораздельной речи. Улавливаемый в нем как архаизм, этот отпечаток дает возможность подойти палеонтологическим путем к древнейшей,

кинетической, стадии, а, может быть, и кинетическим стадиям речи, хотя бы и без уточнения отдельных ее типологических подразделений.

Если, таким образом, начальные глоттогонические вопросы и остаются еще окончательно далеко не установленными, то все же палеонтологический анализ позволяет строить некоторые выводы, основываясь как на пережитках кинетической речи в значимости слов уже развитого языкового материала, так и по общему представлению в связи с занимаемым кинетической речью местом в едином процессе развития человеческой культуры. В итоге этих выводов кинетическая речь представляется в определенные свои эпохи более естественною, чем звуковая. Значительная часть ее могла происходить на начальной стадии ее развития автоматически с использованием наглядности и ясности выражения самих жестов, а также под влиянием рефлекторных актов, без способности воспринять последствия и связать их с причиной. В дальнейшем процессе жизни человеческих объединений повторение одного и того же действия привело к развитию мышления путем накопления определенных навыков, что и создало необходимое представление о причине и последствии. Такая увязка физических свойств с социальным творческим момен-

том создала особую психологию первобытного человечества, отличную от животных.

Если в кинетической речи технически действовала в особенности рука, то идеологически все зависело от условий жизни, следовательно, в конечном итоге и от жизненных потребностей человека, хотя бы и примитивно удовлетворявшихся без наличия даже искусственных орудий производства. Таким образом, и кинетическая речь уже предполагает наличие какого-то трудового процесса, как необходимого условия ее развития. С кинетической речью развивалось в свою очередь и общественное мировоззрение, не исключая культового или магии, не исключая представления о таинственной силе и потребности с нею общаться.

В стадии кинетической речи выступает нераздельное господство руки, являющейся и орудием производства и воплощением самой речи. Такое господствующее значение руки в этом периоде кинетической речи и сказалось в последовавшем засим периоде звукового словотворчества, когда рука перестала быть орудием речи и переставала быть единственным орудием производства. Главенствующая прежде роль руки пережиточно сохранилась в упомянутой выше значимости (семантике) слов позднейшего звукового произношения и в производных их построениях (семантических рядах).

Это явилось непосредственным следствием того, что работающая рука была в свое время организующим началом, звуки же тогда еще не играли в процессе ручного говорения никакой роли, за исключением разве выкриков аффекта, не представлявших еще членораздельных звуков, особенно в магических действиях при состоянии в экстазе. Кинетическая речь сопутствовала человеку определенной эпохи везде и не может быть по своему возникновению приурочена к одному какому-либо месту. [1]

Что касается звуковой речи, то она вовсе не сразу заменила собою речь кинетическую. Палеонтологический анализ приводит к заключению, что человек пользовался определенными звуковыми комплексами еще при господстве кинетической речи. Эти звуковые комплексы, восполняющие жесты и мимику, получали в процессе их использования определенное развитие и в течение весьма длительного времени постепенно приурочивались к обозначению определенных понятий. Таким образом, развитие членораздельных звуков, в самом его начале, могло вовсе и не вызываться потребностями общения, для которого уже существовал обиходный кинетический язык. В виду этого и само происхождение членораздельных звуков

[1] Ср., например, „О происхождении языка", ПЭР, 320—327; „Яфетическая теория", Баку, 88 сл. и др.

приходится искать не в одних только ограниченных еще тогда потребностях общения, удовлетворявшихся другим способом, а, повидимому, и в магических действиях. Следовательно, звуковая речь лишь с течением длительного времени обратилась в обиходную. Достаточно было осознать возможность приурочения звукового комплекса к обозначению какого-либо одного образа или явления, чтобы постепенно, с расширением круга осознаваемых предметов, потребовалось применение и к ним тех же звуковых комплексов, что неминуемо влекло за собою их фонетическую дифференциацию для отличия звуковых сочетаний, употребляемых с различным их назначением. [1]

Это движение к внешнему различению (дифференциации) первичных звуковых комплексов шло своим длительным путем, причем первый круг предметов, получивших звуковые наименования, был культовым, но в особом понимании культовой обстановки еще не окончательно расчлененного диффузного состояния человеческого мышления, когда и хозяйственные предметы и чисто хозяйственные действия не выделились еще из общей области с культом, то есть, когда человеческое мышление не отличало еще хозяйственного акта от культового.

[1] См. „О происхождении языка", ПЭР, 327 сл.; „Яфетическая теория", Баку, 98 — 110.

Сам звуковой комплекс в то время не расчленялся для отдельного обозначения понятий материального и духовного содержания, так как и само человеческое мышление пребывало еще не вполне расчлененным. С расчленением мышления постепенно увеличивалось число предметов, вовлекавшихся в круг представлений и понятий, требовавших обозначения звуковыми словами, что и повело к развитию звуковой речи, когда каждый звук стал получать уже самостоятельное бытие в сознании человечества.

Звуковая речь в процессе своего развития нарастала постепенно в путях той же идеологии, которая осталась в наследие от кинетической речи. Этим и объясняется отмеченный выше строй семантических рядов, в частности с рукой в качестве начального звена. Этим же объясняется и возможность подхода к первичным стадиям, не отрываясь от материала даже современных языков.

Число понятий, требовавших приурочения к ним отдельных звуковых составов (комплексов), постепенно увеличивалось по мере расширения потребностей осложнявшихся человеческих группировок. Это, в свою очередь, привело к членораздельности когда-то диффузных звуковых комплексов. С переходом на искусственное изготовление орудий производства хозяйственная и общественная жизнь челове-

ческого коллектива осложнилась настолько, что кинетическая речь не могла уже удовлетворить его насущным потребностям, и человеческое общество стало переходить на преимущественное использование имевшихся в его распоряжении способов общения посредством другого органа — языка. [1]

Таким образом, само появление звуковой речи вовсе не есть результат мутационного перерождения с быстрой заменой одной антропологической особи другою. Наоборот, не удается установить даже момента появления этой звуковой речи, длительно и постепенно развивавшейся в связи с изменением уклада человеческой жизни и в связи с постепенным осложнением общественных группировок. [2]

IV. ПРИМЕНЕНИЕ ЯФЕТИДОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ДРУГИХ ПРОЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСТВА, В ЧАСТНОСТИ К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Не менее чем в языке необходим пересмотр многих положений, до сего дня высказываемых и археологами. По тем же основа-

[1] См. предыдущее примечание.

[2] Ссылки в этой главе делаются мною на ограниченное число работ для легкости поверки моего изложения. Более подробное указание на литературу см. в цитатах Исторического обзора по тем же вопросам.

ниям, как и при работе над лингвистическим материалом, неизбежен отказ от поисков прародины доисторических культур и отдельных доисторических культурных очагов. Как и в языке, мы неминуемо должны признать наличие единого процесса развития материальной культуры, не ограничивая возможности зарождения ее лишь тесными рамками пра-культурных оазисов. Мы должны, далее, выявить характеризующие признаки (координаты) на всем пути развития культуры. По суммам этих признаков придется устанавливать стадии, соответствующие определенным оформлениям структур человеческих объединений с им присущими материальными и духовными потребностями и с вырабатываемыми ими особенностями мировоззрений.

Если при изучении обособившегося периода культуры археологу и историку искусств приходится именно на нем останавливать свои исследовательские искания, обращаясь в специалиста только данной области, то и тут, так же как и при изучении обособившихся языковых систем („семей"), принятая узость границ представляется в значительной степени условной. Такой обособившийся период часто кажется самодовлеющим, тогда как на самом деле он представляет лишь выкристаллизовавшуюся стадию. Специализация необходима за

невозможностью охватить весь необъятный массив человеческого культуротворчества, но все же каждый специалист не может слепо замкнуться в избранную им область исследования. Он неизбежно должен стать в то же время и палеонтологом. Мы не в праве ограничивать исследования каким-либо избранным периодом, условно считая его за начало и включая его в общую историю развития человечества без проведения непосредственной связи с другими. Такое мозаичное построение истории культуры не даст ни общей цельной картины всего хода культуротворческого движения, ни безукоризненно проработанной главы отрывочно взятой его части. В конечном итоге в объединении всех близких специальностей мы должны охватить всю культуру, начиная с диффузного, еще не расчлененного мышления человечества, затем периодов магического, тотемистического, космического и т. д. его мировосприятий. Необходимо осознание всей культуры в тесной связи с потребностями и мировоззрением самого человека.

Углубляясь в более ранние эпохи, мы будем иметь менее сложное сочетание признаков, что, в свою очередь, объяснит близость форм внешнего проявления культуротворчества в этих эпохах. В последующие периоды обособившиеся группировки, затем племена и народы

разойдутся между собою в своих сочетаниях характеризующих культуру признаков. По различию таких признаков удастся в пределах стадий установить различные системы. Но изучая их в кажущемся статическом состоянии, мы ни одну систему не поймем, если не проследим изменения форм при переходе ее из одного стадиального состояния в другое. Следовательно, и тут, в археологии, неизбежно применение палеонтологического подхода. При нем, при палеонтологическом методе, свяжутся непрерывным ходом развития все стадиальные оформления культур, при подходе же горизонтальном мы увидим в каждой системе каждой стадии значительные расхождения. Здесь уместно повторить то, что уже говорилось выше: преемственность стадий заставляет учесть и то, что в новом типовом образовании вовсе не обязательно наличие только новых признаков. Новый тип не есть абсолютно новое порождение, наоборот, он связан с предыдущими, как образовавшийся из него. Поэтому некоторые признаки предшествующего типа переходят в последующий и сохраняются в нем. И если отдельно улавливаемые нами периоды культуры часто кажутся обособленными и самостоятельно появившимися, то это объясняется не самими культурами, а нашим к ним формально-сравнительным подходом без поста-

новки генетического вопроса и без палеонтологического анализа. Стоит только применить их, и рухнут многие построения, поныне воздвигаемые историками культуры.

Исследователь изучал культуру, главным образом, лишь в горизонтальной плоскости, поэтому он не учел и не мог полностью учесть генетического вопроса, а в результате признал доисторическую культуру расовой и значительную долю своего научного интереса уделил и уделяет до сих пор поискам пра-родины великих рас и поискам очагов культуры, откуда „великие" расы наделяли своими достижениями все прочее человечество. Этим нередко и ограничивались попытки освещения вопросов о происхождении всех ныне разнообразных проявлений человеческой культуры.

Этой, иногда даже и бесполезной, траты времени не было бы, если бы генетический вопрос не был сужен в такие совершенно неестественные рамки. Не было бы и необходимости переселять культурные народы по всему пространству обширных материков, чтобы успеть разнести по земле „созданную в единых очагах цивилизацию". К тому же не обращалось внимания даже и на то, что в таком направлении исследований оказался оставленным без всякого учета фактор скрещения, особенно обостряющийся при столкновении народов,

стоящих на различных культурных уровнях и, следовательно, наиболее актуальный именно при переселениях. Если бы был учтен и этот фактор, тем более в доисторические времена, то в результате переселений увидели бы чрезвычайную изменчивость формы, а не наоборот — необычайную ее стабильность, каковой при этих столетиями происходивших передвижениях не могло быть, но каковую все же усматривает археолог, подходя под своим углом зрения даже к доисторическому Китаю, Триполью и Эламу. [1]

С применением палеонтологического метода к стадиальному делению мы учтем координаты стадий в их различных сочетаниях, образующих различные системы в пределах стадий. Тогда мы поймем сходство культурных комплексов и в то же время различие их в деталях. При такой проработке материала культуры распределятся по стадиям и по системам в пределах стадий. С учетом общего процесса культуротворчества проследится стадиальное изменение формы, ее жизнь, и свяжутся отдельные оформления не по одним только случайным признакам часто лишь кажущегося родства. Это „родство" заставляет

---

[1] Подробнее по тому же вопросу см. мою работу „О доисторическом переселении народов".

человека, даже в эпохи палеолита, бережно нести свое умение творить, чуть ли не тысячелетиями двигаясь с востока на запад или в обратную сторону со своим застывшим творческим талантом признанного наукою культурного представителя великой расы.

Между тем, при стадиальном подходе нас не смутит, например, и то, что крашеная керамика Триполья и, повидимому, Китая заканчивает свое существование за много веков до конца крашеной керамики Закавказья, где она доживает до середины первого тысячелетия. Не смутит и то, что в Сузах она же гибнет за целое тысячелетие раньше, чем в Бендер-Бушире, и т. д. Если распространение по земле крашеной керамики приписать передвижению народов, то такое движение их пойдет столь невозможными обратными скачками во времени, что усумнит в своей реальности любого археолога. Такового сомнения не явится, когда переселенческие объяснения будут не предпосылками, а следствием анализа с распределением крашеной керамики по системам и с установлением характерных признаков каждой. Только тогда выявится и сходство и различие той же керамики различных времен и различных мест.

Археолог, вообще, гораздо смелее лингвиста. Он нередко определяет культуру по од-

ному слагаемому, тогда как лингвист по одному языку не определяет семьи. Обнаружение нового языка не будет признано за нахождение новой семьи, археолог же определяет культуру и по одному слагаемому. Если эти слагаемые в разных местах имеют сходные признаки, то он неизбежно прослеживает переселения народов, если же раскопанный материал не подходит под другие, то такому материалу присваивается чуть ли не имя очага самостоятельной культуры. Если же культуры одними признаками сходны, а другими нет, то это нередко вызывает удивление исследователя. И такое удивление вполне естественно при переселенческом объяснении, так как становится непонятным, почему движущийся народ не донес в цельности порученной ему исследователем готовой формы. Это удивление останется в силе, пока не будет прослеживаться палеонтологическое изменение формы и пока не определятся стадии и системы. Тогда, при обязательном учете скрещения, получат свое настоящее толкование и те переселения, отрицать историческое наличие которых не берется и яфетидология. Тогда яснее вырисуются и те исторические культуры, обособившийся уклон развития которых равным образом не отрицается. Тогда, наконец, будет изучаться в действительности вся человеческая

культура, а не одно только высокое искусство.

Должно наступить время, когда местное творчество, например, северного Причерноморья, будет изучаться с не меньшим интересом, чем занесенное сюда же искусство метрополий классического мира. Когда наступит это время, то мы, действительно, будем изучать культуру, так как она интересна во всех своих проявлениях, а не только в скифском золоте. Тогда, быть может, мы познаем и самого скифа, познаем происшедшее в нем многосложное скрещение. Археология тогда перестанет витать над человеческим обществом и свяжется с его материальными и духовными потребностями настолько тесно, что мы получим возможность приступить к изучению не отдельных памятников, а всего единого, но многообразного в своих проявлениях, процесса человеческого культуротворчества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

БСЭ — Большая Советская Энциклопедия, Москва.
В — Восток, Ленинград.
ВЗ — Восточные Записки, изд. Лен. Инст. Жив. Вост. Языков (ныне Восточный Институт имени Енукидзе).
ВКА — Вестник Ком. Академии, Москва.
ВС — Восточный Сборник, Гос. Публ. Библ. в Ленинграде.
ДАН — Доклады Академии Наук, Ленинград.
ЕМ — Еврейская Мысль, Ленинград.
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения, СПБ.
ЗВИО — Записки Разряда военной археологии и археографии Русского Военно-Исторического Общества, СПБ.
ЗВО — Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества, СПБ.
ЗКВ — Записки Коллегии Востоковедов Академии Наук, Ленинград.
ЗКМ — Записки Кавказского Музея, В—I, Петроград.
ИАИМК — Известия Гос. Академии Истории Материальной Культуры, Ленинград.
ИАН — Известия Академии Наук, Ленинград.
ИКИАИ — Известия Кавказского Историко-Археологического Института, Ленинград — Тифлис.
ИЛЯЗВ — Научно-исследовательский Институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока при Ленинградском Университете.
ИТО — Известия Таврического Общества Истории, Археологии и Этнографии, Симферополь.

К — Краеведение, изд. Центр. Бюро Краеведения, Ленинград.

МЯЯ — Материалы по яфетическому языкознанию, изд. Яфет. Инст. Академии Наук, Ленинград (в. XI в Лейпциге).

НВ — Новый Восток, Москва.

НР — Научный Работник, Москва.

ПР — Печать и Революция, Москва.

ПЭР — По этапам развития яфетической теории, изд. Научн.-исслед. Инст. этнических и национальных культур народов Востока, № 8, 1926 г., Москва.

САИМК — Сообщения Гос. Академии Истории Материальной Культуры, Ленинград.

СЧ — Языковедные проблемы по числительным, сборник статей, изд. ИЛЯЗВ и Яфетического Института Академии Наук, Ленинград.

ТКИПС — Труды комиссии изучения племенного состава, Академия Наук, Ленинград.

ТР — Тексты и розыскания по армяно-грузинской филологии, изд. Академии Наук, СПБ.

ТРКФ — Тексты и розыскания по кавказской филологии, Яфетический Институт Академии Наук, Ленинград.

ХВ — Христианский Восток, изд. Академии Наук, СПБ.

ЯС — Яфетический Сборник Яфет. Инст. Академии Наук, Ленинград.

JS — Japhetitische Studien, Leipzig.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 7

Тезисы. 11

Исторический обзор развития яфетидологии. 21

Процесс развития речи в освещении яфетической теории (современные положения яфетидологии):

I. Наличные языки в их яфетидологическом освещении 96

II. Словарный запас и эволюция слова 140

III. Начальные стадии глоттогонического процесса 173

IV. Применение яфетидологического метода к исследованию других проявлений культуротворчества, в частности к изучению памятников материальной культуры 192

Список сокращений 201